
ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 35

Нереал:

Марк Каллас. Последнее сокровище	5
Елена Ермакова. Тайна живых кукол	12
Марк Вишневецкий. Муха	17
Игорь Куленков. Дом последних вещей	19
Арсений Могилёв. Repeat until keypressed	26
Марк Вишневецкий. Пленник льда	28
Марк Вишневецкий. Герой	43
Маргарита Репаловская. Мосты исправления	47
Марк Каллас. Монолиты Йондо	54
Ребекка Попова. Танго в самолете	62
Марк Вишневецкий. Корабль	69
Алексей Корепанов. Принять решение	72

Поэзия:

Ольга Илясова. Стихотворения:

Рождение ведьмы	32
Дом Безумной Мари	34
Сергей Шоня. Галапагос	35

Реал:

Алекс Левин-Арлев. Ограбление	36
Алекс Левин-Арлев. Первое дежурство	40

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

«ПОРОГ-АК». Выпуск 35. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: alkor06081953@gmail.com

Телефон: (+38) 0993601689

Технічний редактор – О. Корепанов
Оформлення обкладинки – П. Грім
Підписано до друку __.__.2023. Формат 60x84/16

Марк Каллас ПОСЛЕДНЕЕ СОКРОВИЩЕ

– Приготовься, детка, мы почти на месте.

– Я готова, Йаз. – Она откинулась в штурманском кресле и положила тонкую ладонь ему на руку, переключившую управление кораблем в ручной режим.

Короткие переговоры по внешней связи – и, получив добро, «Аргон» пристыковался к гигантской межпланетной станции «Новая Фессалия». Всё прошло в штатном режиме, ведь за время полета капитан установил стойкую нейросвязь с «Палладой» – системой управления кораблем. Заглушив двигатели и разблокировав люки, он наконец отключился от системы и повернулся к девушке:

– Время нанести визит моему нанимателю. После этого мы будем свободны как птицы... Ну, не как те птицы с твоей планеты, – поправился он, бодро хохотнув. – Немало крови они нам попортили, ничего не скажешь.

Стройная меднокожая инопланетянка улыбнулась одной из своих самых очаровательных улыбок.

Через несколько минут, пройдя по коридору стыковочного модуля, они оказались в приемном зале лорда-протектора, в поле искусственной гравитации «Новой Фессалии». Сам лорд-протектор вышел к ним в сопровождении двоих телохранителей в кевларовой броне.

– Я прибыл, как договаривались, Пелиас, – без долгих предисловий проговорил капитан корабля, поставив перед собой контейнер с грузом. – Они все здесь.

– О, приветствую тебя, Йазарр дан Эсан, отважный капитан прославленного «Аргона»! – с нарочитым пафосом встретил его лорд-протектор «Новой Фессалии». На контейнер, однако, покосился с алчным выражением лица. – Где же твоя героическая команда? И кто эта прекрасная особа рядом с тобой?

– Ребята разлетелись по своим делам, и с ними я уже рассчитался, – вздохнул наемник, сдвинув брови. – А это – Мэдб с К'хиды. Потомственная ведьма, так что шутить с ней не рекомендую.

Инопланетянка сверкнула огромными черными глазами в пол-лица.

– В твоей компании всегда те, с кем шутки плохи, Йазарр, – усмехнулся Пелиас.

Лорд сделал знак своим молодчикам. Те было двинулись к контейнеру, но в руке Йазарра в мгновение ока появился лучестрел.

– Не так быстро, Пелиас, – поцокал языком капитан «Аргона». – Если не хочешь остаться и без своих дуболомов, и без Рун, то сначала гони энергокубы, да поживее! «Новая Фессалия», видишь ли, что-то начинает навевать на меня скуку. Охота поскорее свалить отсюда куда подальше.

Мановением руки Пелиас отозвал телохранителей, броня которых не защищала от того оружия, что было сейчас в руках Йазарра.

– Не нервничай, Йазарр дан Эсан, – примирительным тоном поспешил успокоить наемника лорд-протектор. – Мы ведь все-таки родственники. Быть может, мне не терпелось прикоснуться к знаменитым Золотым Рунам К'хиды. Тебе же известно, как долго я ждал этого момента. Сколь ценно это последнее сокровище Галактики! Сколько тайн хранит этот код! У всего ученого мира чешутся руки заполучить Руны для исследований. Меня, понятное дело, весьма будоражит близость такого значимого предмета.

– Да, но ты знаешь мои правила, дядюшка, – ответил наемник, не сводя глаз с застывших без движения телохранителей Пелиаса. – Я всегда беру плату вперед.

– И ты ее получишь. – Пелиас нажал что-то на пульте у себя на запястье.

Йазарр насторожился, но через секунду выдохнул: через соседние двери в приемный зал въехал робот с кейсом для энергокубов. Световая отметка на дисплее кейса показывала полный комплект – целое состояние. Приблизившись к капитану «Аргона», робот поставил кейс на пол – и удалился через те же раздвижные двери.

– Совсем другое дело! – Йазарр широко улыбнулся, подхватил кейс и передал его Мэдб.

– Что ж, Йазарр, – Пелиас подмигнул наемнику, когда телохранители заполучили контейнер с Золотыми Рунами в свои руки, – с тобой было приятно иметь дело.

– Обожаю твою искренность, дядя, – усмехнулся наемник, медленно отходя к выходу в стыковочный модуль.

Йазарр вслушивался в пространство вокруг. В нем присутствовало нечто такое, что ему совсем не нравилось...

– Пригнись! – внезапно раздался возглас Мэдб.

Инстинктивно припав к полу, Йазарр услышал над головой странный свист. Еще не успев ничего понять, он увидел, как от пальцев Мэдб протянулся луч куда-то в темный угол приемного зала. Оттуда, шатаясь, вышла на свет фигура в черных одеждах. Вышла – и замертво упала на пол.

Йазарр бросил взгляд через плечо: Мэдб держала в руке тонкую метательную спицу, перехваченную на лету. Наемник легко узнал это оружие убийц с Темного Айга. Он устремил взгляд на Пелиаса.

– Проклятая ведьма! – бросил лорд-протектор, скрываясь за спинами своих телохранителей. – Я все равно достану тебя, племянничек!

Йазарр выстрелил, почти не целясь. Заряд лучестрела прошел точно между двумя амбалами и поразил Пелиаса в голову. Лорд-протектор «Новой Фессалии» умер мгновенно.

Бронированные телохранители Пелиаса схватились за оружие, но Мэдб сделала рукой странный жест, и те без сознания упали на пол. Однако сирена тревоги уже выла на всю станцию, и отовсюду слышался топот ног вооруженных людей.

– На «Аргон»! – выпалил Йазарр, и они с Мэдб бегом покинули «Новую Фессалию».

Едва оказавшись на борту корабля, наемник задраил и заблокировал все люки и отстыковался. Убрал амортизаторы, включил двигатели на первую скорость.

– Они поднимают истребители! – воскликнула Мэдб; дисплей приборной доски показал несколько точек, взлетающих над корпусом станции.

– Плевать, –отреагировал Йазарр. – У нас столько энергии, что им за нами не угнаться. Пристегнись и приготовься к Скачку, детка.

После того как Мэдб устроилась в своем кресле, Йазарр подключился к «Палладе» и бросил «Аргон» в околосветовой Скачок. Пространство сжалось и разжалось – словно Вселенная мигнула, и рядом больше не было ни космической станции, ни истребителей Галактического Союза.

– Где мы, Йаз? – изумленно всматривалась в мониторы и иллюминаторы Мэдб. Там проплывали туманности и скопления звездной материи, прекрасные и незнакомые уроженке магической К'хиды.

– Мы на свободе, Мэдб, – с улыбкой ответил Йазарр. – Теперь мы свободны...

– Золотые Руны остались там, на «Новой Фессалии», – задумчиво проговорила Мэдб.

– Да, – кивнул Йазарр. – Последнее сокровище Галактики досталось Союзу. Но знаешь, я не жалею об этом. В этом безумном полете за Рунами каждый получил свое сокровище. И мое сокровище – это ты. Последнее сокровище, которое я добыл контрабандным ремеслом.

* * *

Капитан «Аргона» не знал наверняка, что будет делать дальше: собрать ли флот и отвоевать принадлежавшее ему по праву рождения место лорда-протектора «Новой Фессалии» или же остаться изгнанником и поселиться на одном из фронтирных миров.

Они были богаты и свободны, и наслаждались этим на полную катушку, вот уже второй год скрываясь на задворках обитаемого Космоса и прожигая то, что оставалось у них от добычи. Центры Галактического Союза после событий на «Новой Фессалии» были для них закрыты, так что «Аргон» перемещался по фронтирным мирам, где вольготно чувствовали себя контрабандисты, угонщики кораблей и другие разыскиваемые преступники. Стоимость энергокубов здесь была выше союзной, и затянувшийся медовый месяц Йазарра с Мэдб проходил по-королевски.

Сейчас «Аргон» плыл в открытом Космосе, где-то в одной из самых глухих звездных систем вдали от центров Галактического Союза. Йазарр потянулся в кресле, чуть морщась от только что выпитого виски, и заглянул в вирт-новости, скачанные «Палладой» на орбите Скайрса, последней обитаемой планеты, где они побывали. Как обычно, его интересовал раздел о происшествиях. Он пролистывал оптоскроллингом сообщения об ограблениях, убийствах, угонах космических кораблей – и вдруг замер, словно превратившись в соляной столп. Одна новость приковала его взгляд:

«Трагическая смерть наследной принцессы Коринта. Прекрасная Креусо так и не поборолла свой страшный недуг и почилла во цвете лет во дворце столицы. Правителем Креонием объявлен семидневный траур. Церемония прощания состоится...»

Рой воспоминаний пролетел в голове Йазарра дан Эсана в одно мгновение. Вспомнил он, как гостил с Мэдб при дворе Креония, единственного из признанных Союзом правителей, который дал капитану «Аргона» приют. Вспомнил его прекрасную дочь, восхищенную рассказами об экспедиции на К'хиду из первых рук. А потом вспомнил ночь любовных утех с прекрасной и коварной наследницей коринтийского престола, пока Мэдб лежала в гостевых покоях, забывшись сном, вызванным подмешанными в напитки веществами.

Да, в ту ночь Йазарр не устоял перед чарами коринтийки, которая во всем была противоположна Мэдб – и одновременно так похожа на нее...

Йазарр до сих пор не мог сказать наверняка, был ли то момент его минутной слабости или тайное колдовство Креусо, но он изменил своей избраннице в тот вечер. «Аргон» отбыл с Коринта на следующее утро, и Мэдб так никогда и не узнала о том, что случилось

ночью. И теперь уже не узнает никогда: принцесса унесла эту тайну с собой в могилу.

– Мэдб? – Йазарр оглянулся, услышав, как отъехала дверь рубки, и увидел на пороге к'хидянку. – После Скайрса нам было бы неплохо пополнить запасы. Куда отправимся теперь, дорогая?

Внезапно, прежде чем Мэдб успела ответить, страшный удар сотряс борт «Аргона» – на секунду даже погас свет, пока корабль переключался на аварийный источник питания.

– Поверить не могу! Они все-таки нашли нас, Мэдб, – с глуповатой усмешкой констатировал Йазарр и бросил взгляд на панель управления. – Плазменный заряд. Похоже, попали вскользь. Та-а-ак, левый двигатель полностью вышел из строя. И боковые мониторы полетели... Нам придется дать бой.

Понимающе кивнув, к'хидянка села к гашетке.

Йазарр подключился к «Палладе», и они начали свою страшную работу в тандеме. Капитан «Аргона» направлял орудия и лавировал корпусом корабля силой мысли, а Мэдб, безошибочно ловя траекторию полета истребителей, открывала огонь.

– Старайся держать их по правому борту, Йаз!

– Да, детка! – И он маневрировал на одном правом двигателе так, что позавидовал бы даже сам Тиффи, пилотировавший «Аргон» во время полета на К'хиду...

Высокоскоростные и маневренные истребители фессалийцев не смогли уйти от огня «Аргона». Потеряв два борта из четырех, они наконец решили ретироваться и скрылись с радаров.

– Хэй, мы справились! – альдерианским дикарем возопил обрadowанный Йазарр и тут же посерьезнел. – Но эти, похоже, отправились за подкреплением. Нам придется совершить аварийную посадку. Вот здесь. – Он включил карту звездной системы на мерцавшем мониторе и указал на бледную точку. – Это должна быть планета Истмур. Необитаемый мирок, где мы сможем отсидеться и отремонтировать «Аргон»... Ума не приложу, как они сумели нас найти. Чертовы фессалийцы... Держись, детка!

Посадка потребовала от Йазарра всех его сил, всего искусства. Войдя в контакт с «Палладой», он быстро определил степень повреждений корабля; просканировал, насколько мог, рельеф и грунт предполагаемого места посадки – и на оставшейся тяге понесся к Истмуру.

Жесткая посадка страшно сотрясла рубку. От удара Йазарр потерял сознание.

Очнувшись, он долго пытался вернуть себе дар речи. Наконец бывший наемник хрипло позвал:

– Мэдб? Детка?

Он обернулся, но не обнаружил к'хидянку там, где она сидела.

– Что с тобой? Где ты, Мэдб?

Йазарр дан Эсан звал и звал ее, пока вдруг не понял, что на корабле к'хидянки нет. Со скверным предчувствием он кинулся к выходному люку. По дороге споткнулся о кейс. Тот был пуст, все энергокубы пропали...

Люк был заблокирован, а Мэдб стояла снаружи. Йазарр увидел в иллюминатор, что на ее красивом меднокожем лице, освещенном бортовыми огнями «Аргона», блестят слезы.

– Что такое, Мэдб? – Йазарр застыл в недоумении.

– Проклятый глупец! – Голос к'хидянки сорвался на крик. – Ты хочешь знать, как нас обнаружили фессалийцы? Это я отправила сигнал. Я навела их на «Аргон». Я направила их пушки.

– Нет, Мэдб! Нет! – Йазарр как безумный качал головой, не желая верить. – Но... зачем ты это сделала?

– Я помогла тебе похитить Руны у моей расы, прикрывала тебя и спасала своей магией. Ты похитил меня у отца вместе с Золотыми Рунами, как пиратскую добычу. Говорил, что любишь, обещал сделать соправительницей «Новой Фессалии». А что в итоге? Вместо этого я была вынуждена прятаться с тобой по самым глухим дырам Вселенной. А потом ты изменил мне с той коринтийской шлюхой Креусо! Думал, я не узнаю? Ха! Надеюсь, она хорошо помучилась в отравленном комбинезоне. Нет, Йазарр, на К'хиде не прощают измены. Когда-то я, может, и любила тебя, но теперь ты переполнил чашу моего терпения. Прощай!

– Что ты делаешь? Мэдб, стой! Мэ-э-эдб! – Йазарр отчаянно колотил кулаками в неподдававшийся люк – и вдруг застыл как вкопанный.

Он увидел в иллюминатор, как Мэдб поднимается над голыми скалами Истмура, как она взмывает в темное небо – и летит к звездам... И он был готов поклясться, что летит она на древней колеснице, какие были знакомы ему с детства по изображениям в музее «Новой Фессалии». Квадрига, запряженная... да, черными драконами, дышащими огнем! Завороженный зрелищем, он не мог оторвать глаз от мчавшей вдаль фигуры – до тех пор, пока та не скрылась в темной глубине. Только тогда он сел на пол, обхватив голову руками, и застонал.

От него только что ушла жена, прихватив последнее ценное имущество. Но это еще не все: ему выпало тяжкое бремя доживать свои дни на неисправном корабле, на необитаемой планете – ровно столько, насколько хватит аварийной системы жизнеобеспечения. Выхода отсюда не было.

* * *

Неизвестно, сколько времени прошло – Йазарр потерял ему счет. Он уже порядком ослаб и чувствовал себя дряхлым стариком. Кислорода оставалось все меньше. Йазарр лег на пол командного отсека и стал смотреть в черное небо Истмура через акриловый овал иллюминатора.

«Паллада», – вызвал он систему через нейросвязь. Та послушно откликнулась.

Воспоминания – вот последнее сокровище, которое у него осталось. И он стал их перебирать, проигрывая через «Палладу». Вспоминал их затянувшийся медовый месяц с Мэдб. Вспоминал тот полет, в котором повстречал прекрасную ведьму. Легендарный полет за Золотыми Рунами К'хиды, странной обитаемой планеты, на которой действовала магия...

Он снова переживал те опасные и захватывающие дух приключения.

Вспоминал команду, лучшую во всей Галактике.

Могучего Эаркиля, который каким-то чудом вышел победителем из рукопашной с огромными к'хидскими хищными тварями – у каждой было по шесть клешней.

Веселых близнецов Каста и Пола, непревзойденных мастеров боя в экзоскелетах.

Сумасшедшего музыканта Орпи, который переиграл на зета-арфе тех разумных птиц с танцующих скал К'хиды, пытавшихся своим гипнотическим пением залезть в мозги всему экипажу.

Не знающую промаха альдерианку Атлу, которая метким выстрелом вывела из строя огромного механического монстра, пытавшегося помешать им вернуться на борт «Аргона».

Славные дела и славные времена, которых не вернуть.

Быть может, это и было делом всей его жизни? Добыть для Галактического Союза эти Золотые Руны – то ли код к познанию одной из тайн Вселенной, то ли ключ к постижению магии, что действует на К'хиде. Подвиг, достойный песен и легенд?

Но любой песне приходит конец – либо звонким аккордом на все окружающее пространство, либо призрачной нотой, тающей в оглушительной пустоте, в абсолютном вакууме, где никто ее не услышит...

Необитаемый «Аргон» еще долго мерцал сигнальными огнями в скалах обитаемой планеты Истмур.

Елена Ермакова ТАЙНА ЖИВЫХ КУКОЛ

Старый отшельник Вереск оторвался от своих записей и покачал головой. Ставни в его крохотном домике на болоте были плотно закрыты, но ветки деревьев били по ним, не прекращая.

– Да успокойтесь же, – проворчал отшельник, распахивая дверь. Лицо его обжег холодный зимний воздух. Ни дуновения ветра.

– Прекратите колотить в окна, – продолжил старик.

В ответ ему послышалось:

«Отдай!»

– Да что отдать? – закричал старик.

И снова ему почудился ответ:

«Отдай наше!»

– Да ничего вашего у меня нет! Ничего!

Старик захлопнул дверь и без сил опустился на маленький стул у печурки. Колотьба в окна продолжалась уже третьи сутки.

Что же такого появилось в его лачуге за эти последние три дня, чего в ней не было раньше?

Три дня назад его навещал охотник Кремень. Он был единственным, кто знал, где обитает Вереск, и снабжал его провизией и дровами. Конечно, кое-что Вереск добывал на болоте и сам, плавая на своей лодчонке, но с возрастом такое занятие становилось для него все сложнее, поэтому он был неизменно благодарен Кремню за помощь. Ну а Кремень получал от отшельника ответы на вопросы, потому что Вереск за свою долгую жизнь накопил столько знаний о магии, сколько не накопил никто другой.

Кремень принес в тот день то же, что и обычно: мясо, соль, хлеб, крупу, жир, отрез ткани. Ничего из этого никак не могло интересовать бродячие деревья, которые колотили в его ставни ветками и которых в народе называли лешими.

Люди не умели отличать леших от обычных деревьев, а лешие не стремились показывать людям свои способности. Для людей лешие были чем-то вроде теней на самом краю зрения и сознания. Но иногда люди все-таки пересекались с лешими, и эти случаи не давали бродячим деревьям окончательно превратиться в миф.

Но от Вереска лешие никогда не прятались. Вереск любил леших, любил их запах, цвет, их призрачные голоса, их гибкость и проворность, которую они проявляли, когда хотели, и когда на них не смотрели лишние глаза.

Что же им все-таки нужно? Было ли что-то еще, что в тот день принес Кремень?

Было известие о том, что люди на реке Медведице заболели холерой. Но такое случалось, и леших никак не могло заинтересовать это сообщение.

Было известие о том, что люди обвинили в заразе знахарок из прибрежных деревень. А случилось это потому, что во время эпидемии рядом с несколькими детьми нашли странных кукол. Люди решили, что с помощью кукол и было наведено проклятие болезни.

«Глянь в мешке, я этих кукол для тебя прихватил, – сказал Кремень. – Скоро снова приду к тебе, а ты посмотри кукол. Может, и вправду в них есть колдовство».

Вот оно что. Куклы. Как же он забыл заглянуть в мешок?

Вереск нашел мешок и вытащил из него три куклы. Вытащил и сразу же выронил из рук. Куклы были на редкость странными. Таких он никогда раньше не видел.

Они были похожи на детей лет двух или трех, голых и маленьких, застывших в позах отчаяния. На лицах запечатлелся ужас, у одной куклы был широко открыт рот, так, словно она задыхалась.

Немудрено, что кукол сочли проклятыми. Вереск и сам испугался, когда их увидел.

Но кто и как мог их сотворить?

Вереск осторожно поднял кукол и отнес к себе на стол, заваленный бумагами. Кукол сделали мастерски, они были настоящими произведениями искусства. Вереск осторожно трогал тонкие ручки, изящные пальцы, крохотные страдающие лица.

И чем дольше он смотрел на кукол, тем больше в нем нарастало ощущение, что куклы какое-то время тому назад были живыми, что они умерли совсем недавно. Это представлялось невероятным, однако он ничего не мог с этим ощущением поделать.

Но как странные куклы могли быть связаны с лешими?

Вереск начал рыться на полках с бумагами и вещами, собранными им за всю его жизнь. Принес на стол толстую пачку бумаг и маленький мешочек. Из мешочка вынул кусок чего-то, похожего на тусклый камень. Это был обломок тела лешего, который когда-то давно случайно попал ему в руки.

Старик принялся обнюхивать и осматривать кукол и обломок и вскоре пришел к выводу, что материал был одним и тем же. Он удовлетворенно хмыкнул и стал просматривать бумаги. За свою долгую жизнь он перекопировал столько рисунков и записей из старинных книг, хранившихся в разных местах, что разобраться в них было нелегко. Пачка, которую он принес с полки, была посвящена лешим.

Он долго-долго перебирал бумаги, нашел, наконец, нужные и погружился в их изучение. Он и сам не заметил, как свеча догорела. Но он успел найти то, что искал и теперь сидел в темноте, не шевелясь и обдумывая прочитанное, под мерный стук веток по ставням.

Неожиданно дверь дома распахнулась, и волна холода обдала старика.

– Что ж так темно и холодно-то у тебя? – ворчливо спросил вошедший охотник Кремень.

Старик засуетился над печуркой, и вскоре Вереск и охотник уже сидели, глядя в огонь и распивая травяной чай.

– Штук десять леших собралось вокруг твоего дома, старик, – сообщил охотник. – Я и не думал, что они по болотам так далеко способны забираться. Похоже, нужно им что-то от тебя.

Кремень был одним из немногих, кто, так же, как и Вереск, мог смутно понимать желания бродячих деревьев.

– Им нужны куклы, – сказал Вереск.

– Те, что я тебе принес? – удивился охотник. – Получается, в них все-таки есть колдовство?

– Не колдовство, а магия, – поморщился Вереск. – Скажи, а на телах детей, рядом с которыми находили кукол, не было повреждений?

– Были, но я об этом никому не говорил. Знахарок жалко. Чует мое сердце, не имеют они к этому никакого отношения. Были странные надрезы или надрывы, но их делали уже после смерти детей. Я их обнаружил под одеждой, но родителям не показывал. Да и умерли дети, по всем признакам, от холеры. Маленькие надрезы, как будто внутри у детей что-то искали. Что-то в этом во всем очень странное, старик.

– Странное, как сама магия, – откликнулся отшельник.

Он зажег сразу несколько свечей и положил самые важные листы с рисунками и записями сверху на уже лежавший на столе слой бумаг. Поманил охотника.

– Маги, которые жили в нашем мире, уже давно его покинули или умерли, я не знаю. Но свою магию они называли магией слияния, и она осталась и продолжает жить своей жизнью. Понимаешь, Кремень, в старых книгах записаны только обрывки разговоров с магами либо же скопированы рисунки, которые делали маги, но пояснений к ним нет. Обо всем приходится догадываться самому. – Старик вздохнул.

Охотник согласно кивнул. Все это он уже и раньше слышал от Вереска, но перебивать старика не стал. Знал, что рано или поздно тот доберется до главного.

– Древние маги воевали с мертвой магией, – продолжал отшельник. – Они считали, что новое создается из слияния двух существующих начал, если этим слиянием движет любовь. А мертвая магия просто поглощала то, что ей приглянулось, – проглатывала и изменяла до неузнаваемости. Наши маги так не делали. Они подбирали существа, которые подходили друг другу, имели между собой сходство. Вот по-мотри, как были созданы лешие.

Охотник склонился над листом, разглядывая странную картинку.

– Видишь? Насекомое палочник. От него стрелка к дереву. А рядом, посмотри, тоже дерево, но его ветки странно изогнуты, а корни похожи на ноги насекомого. Вот так маги получили лешего. Это гибрид.

Старик говорил вдохновенно, а Кремень всматривался в картинку, которая вдруг обрела для него новый смысл.

– Теперь смотри дальше. У меня были картинки, которые я никогда не понимал, но все-таки в свое время скопировал. И хорошо, что не пожалел времени, потому что теперь все встало на свои места! – все больше оживлялся старик.

Он взял новый лист и положил его рядом с первым.

– Видишь, дети водят вокруг лешего хоровод. Им нравится дерево, оно качает их на своих ветвях, они смеются.

Охотник кивал, глядя на картинку.

– А теперь присмотрись. У нескольких детей в руках куклы. Видишь?

Охотник снова кивнул.

– Не замечаешь ничего странного?

Охотник заметил. Кукла у одного ребенка была не в руках, а как бы висела сама собой на уровне его груди. Кремень показал пальцем на куклу.

– Ну, понял теперь? – нетерпеливо спросил старик.

Кремень не понял.

– Можно подумать, что кукла висит в воздухе перед ребенком, но ребенок-то смотрит на нас. Это нам кажется, что кукла перед ребенком. На самом деле, она внутри у ребенка! – В голосе Вереска было торжество.

– Как это – внутри? – осипшим вдруг голосом пробормотал охотник.

– В лешем течет кровь насекомого палочника, Кремень, – стал терпеливо объяснять Вереск. – Это означает, что леший может менять свое обличье. Захочет быть похожим на человека, будет похожим. Но не сам. Для этого ему нужно вырастить гибрида. Кукла – это зародыш гибрида. Он потихоньку растет в ребенке и со временем сливается с ним. Посмотри на картинку снова. Видишь, в углу стоит человек с книгой и мечом в руке. Раньше я думал, что это просто кто-то из родителей, который присматривает за детьми. Но это и есть гибрид, то, что должно получиться из слияния лешего и человека.

Охотник встал и принялся мерить шагами крохотную комнатку. Два шага в одну сторону, два в другую.

– А надрезы на телах мертвых детей делали лешие? Они искали своих кукол? – Кремень еле сдерживал отвращение.

– Все гораздо, гораздо печальнее, Кремень, – покачал головой старик. – Ты, видно, забыл, что кукол находили рядом с детьми. Зачем бы лешим было нужно доставать кукол и тут же их выбрасывать?

– Я уже ничего не понимаю, – пробормотал Кремень.

– Когда дети умирали от холеры, зародыши гибридов начинали задышаться в телах, которые раньше были их домом. Они вырывались наружу из мертвых тел и... дышать воздухом они тоже не могли. Они вообще не созданы для самостоятельной жизни. Они пытались ползти, но умирали, умирали в мучениях.

Отшельник и охотник смотрели на крошечные лица кукол, искаженные отчаянием. Кремню хотелось закричать старику в лицо, что тот сошел с ума, но он почему-то не мог это сделать, словно крохотные лица наложили на него печать молчания.

– Знахарки, конечно же, ни в чем не виноваты. Эпидемия холеры просто случайно выявила то, что происходило уже давно. Происходило с тех пор, как лешие поняли, что слияние с людьми им необходимо. Такovy пути магии, Кремень. Они ни на что не похожи.

– Я не верю тебе, старик, – упрямо сказал Кремень. – Должно быть более простое объяснение. Ты просто сошел с ума.

Кремню стало легче, когда он заявил отшельнику, что тот сошел с ума, а Вереск вдруг громко расхохотался.

– Ну да, Кремень! Более простое объяснение есть. Колдовство. Знахарки и их колдовские куклы.

Потом Вереск потрепал охотника по плечу.

– А ты никогда не задумывался, почему можешь понимать леших, Кремень? Почему ты и я их понимаем, а другие нет?

Охотник вытащил из кармана фляжку с вином и плеснул себе в чай все, что было во фляжке. Выпил залпом. Закрыв глаза.

– Ты просто сумасшедший старик.

Вереск ничего не ответил, взял в руки кукол и вышел за дверь. Там, в темноте, к нему протянулись ветви и осторожно взяли почти невесомые тела.

Старик вошел в дом, закрыл дверь и устало прислонился к ней спиной.

Что-то вроде тихого вздоха, прошелестевшего в ночи, донеслось до охотника и Вереска:

«Дети, бедные, бедные наши дети...»

Марк Вишневецкий МУХА

Сравнение – один из способов познания. И, вероятно, этот способ можно применить для понимания божественного. Конечно, мотивы и замыслы богов нам не дано знать, ведь боги неизмеримо выше людей. Но если сравнить, например, муравья и человека...

Человек, конечно же, могущественней муравья. Муравей даже не может увидеть человека из-за человеческой огромности (относительно муравья, конечно). И муравью так же непостижимы человеческие мотивы и замыслы. Но если вас укусил муравей и скрылся в муравейнике, то вы не сможете наказать именно этого, конкретного муравья. Вам легче уничтожить весь муравейник.

Хотя нет... все-таки эти сравнения некорректны. Ведь мы не можем превратиться в муравья, а боги могут принимать человеческий образ и жить среди людей. И в этом случае (возможно) способны отличать нас – хотя бы от муравьев...

Эквиль проснулась от жужжания мухи. Хотя сейчас она была не совсем Эквиль. Ее звали Изабель. Богиня любила принимать образ красивой молодой девушки и жить простой человеческой жизнью. Иногда. После решения всевозможных вселенских проблем можно было и расслабиться на какое-то время. Конечно, ее дом в этом прекрасном городе был защищен от всевозможных неприятностей, ему не страшны были ураганы, наводнения и землетрясения, но мухи...

Муха противно жужжала и старалась сесть богине на спину между лопатками. Почему-то мух привлекают определенные места, и они садятся туда вновь и вновь. Изабель вяло отмахнулась и повернулась на бок, с головой укрывшись одеялом.

Но жужжание, хоть и приглушенное, не прекратилось. Муха нашла высовывавшуюся из-под одеяла пятку и переключилась на новый объект. Не открывая глаз, Изабель сотворила блюдце с липким (ну очень липким) медом. Однако муха не обратила на мед никакого внимания.

Изабель щелкнула пальцами, и блюдце начало летать за мухой, подставляя ей медовую сторону. Мухе стало труднее добираться до пятки, приходилось все время облетать блюдце. Жужжать муха стала громче – наверно, разозлилась. Блюдце старалось пересечь траекторию мухи, и, наконец, при одном из пируэтов мед пролился прямо на лицо Изабель.

Изабель тоже начала злиться и сотворила огромную мухобойку. Первой пострадала старинная ваза. Испуганная муха металась по

комнате, садясь на разные вещи. Мухобойка старалась вовсю, хотя ей и мешало гонявшееся за мухой блюдце. Грохот стоял такой, что зашнурь не было никакой возможности.

А ведь Изабель (Эквиль) провела бессонную ночь. Собственно, за этим Эквиль и превращалась в человека – чтобы испытать маленькие человеческие радости. Большие божественные радости на протяжении вечности, наверно, тоже приедаются.

В очередной раз мухобойка сработала, когда муха пролетала около уха Изабель. Удар был неожиданным и сильным. Изабель разгневалась не на шутку. Она сотворила громы и молнии, которые направила на всех сразу – на мухобойку, муху и блюдце.

В комнате началось настоящее светопреставление. Муха, блюдце и мухобойка беспорядочно носились, сталкиваясь и разлетаясь, а за ними гонялись громы и молнии. Изабель лежала вся в меду и пуху из распоротых подушек.

Когда обрушился потолок, терпение ее истощилось. Из развалин дома встала уже Эквиль. Ее гигантская фигура покрыла тенью половину города, и гнев ее был беспределен. В своем божественном образе Эквиль уже не различала мелких деталей. Она видела только ненавистный город. Город, в котором ей было нанесено оскорбление. В ее руке появился пылающий меч...

Именно так и был разрушен Соли-Дор.

Муха покрутилась немного над развалинами города и, не найдя ничего интересного, полетела в сторону оазиса Омакшан.

Игорь Куленков ДОМ ПОСЛЕДНИХ ВЕЩЕЙ

Наконец-то с уборкой было покончено. Цинна поморщилась, глядя на свои руки. От холодной воды они покраснели. Девушка бросила взгляд в зеркало: слипшиеся на лбу мокрые волосы, смуглая кожа и мелкие капельки пота над верхней губой. Она скривила губы в грустной усмешке – хороша... нечего сказать. Хотя вчера вечером она себе нравилась. И веселилась как ребенок, несмотря на свои двадцать три. Хорошо все-таки встретиться с подружками, поговорить о приятных мелочах. Приготовить сообща что-нибудь вкусное и болтать за столом с полным ртом, не заботясь о приличиях. А потом валяться на полу и перемывать в очередной раз косточки знакомым парням. Однако пора собираться. Опаздывать было не в ее правилах.

Цинна служила на почте. Ей нравилась ее работа. Она обожала разбирать большие мешки с письмами, рассматривать конверты с пестрыми марками. Представлять эти письма в руках незнакомых людей, которые живут в далеких больших городах. Мечтать, что тоже когда-нибудь увидит другой мир, другую жизнь. Уедет из этого спрятавшегося в горах городка. Такого скучного и безнадежно провинциального.

...День пролетел незаметно. Цинна вернулась домой, предвкушая хороший вечер с новой пластинкой, оставленной вчера подружками, и, конечно, чай.

Чай был ее страстью. Она могла часами рассуждать о нужных пропорциях трав и их бесконечных сочетаниях: от резкого и бодрящего до мягкого и обволакивающего.

Впрочем, достать хороший чай стоило немалого труда. Девушка сама ходила в горы, собирала там душистые травы и соцветия, а затем долго сушила зеленые пучки на чердаке и заворачивала их в бумажные свертки.

Любовь к чаю и горным прогулкам привила Цинне ее бабушка Агата. Родителей Цинна никогда не знала. Агата была для нее единственным родным человеком. Слово «бабушка» в их доме находилось под запретом. «Агата! Только Агата и никаких “бабушек”!» – слышала она с детства. Какое счастливое было время! Цинна часто вспоминала, как Агата, сидя возле печки, вязала толстые шерстяные носки. Не было ничего уютнее тихого постукивания железных спиц и еле слышного гула дымовой трубы. В такие вечера Агата рассказывала маленькой Цинне сказки и разные истории.

Погрузившись в воспоминания, Цинна не заметила, как случайно коснулась горячего чайника – и отдернула руку. Картинки из прошлой жизни исчезли. Девушка печально вздохнула и заварила чай. Прошло уже восемь лет, как Цинна осталась одна. Она давно привыкла жить в одиночестве и умело избегала хандры. Вот и сейчас она включила радиолу и устроилась на диване с любимой кружкой в руках.

Медленно крутилась пластинка. Музыка была приятной и негромкой. Тепло от чая разлилось по телу, и девушка погрузилась в мягкую полудрему. Она опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Ей снился странный сон – бабушка рассказывала старую легенду, которую Цинна почти забыла. Голос Агаты звучал тихо, но очень отчетливо. Ее слова были похожи на капли воды, падающие в пустую миску. Они гулко вибрировали, воскрешая в памяти Цинны далекий рассказ:

«Никто не знает, откуда люди узнали про Край. Поговаривают, что Край был всегда. И всегда был Сторож, который живет у самого Края. Он живет в своем доме – «Доме последних вещей», где всякий пришедший может оставить что-нибудь личное, последнее... Тропа, что ведет к Краю, едва заметна, но никогда не исчезает совсем. Во все времена находятся те, кто проходит по ней. На то есть причины. У каждого решившегося – свои. Правда, ходят слухи, что были те, кто вернулся. Но от вернувшихся мало толку. Рассказать они ничего не могут. Это место умеет хранить свои тайны. И тропа с тех пор закрыта для них навсегда, потому что прийти туда можно только однажды... В городе все знают про Край, но никогда не говорят об этом. Так было до нас, и так будет после нас. Любой, доведенный до Края судьбой, вправе сделать свой шаг... а после... только Край решает, что будет дальше...»

Цинна открыла глаза. Она еще минуту не могла пошевелиться, настолько реальным был сон. Словно это было вчера. Плечи Цинны затряслись в глухом рыдании. Она снова вернулась в тот день...

Агата уже сильно болела и редко вставала с постели. В то утро Цинна рано проснулась и неожиданно для себя застала бабушку не только на ногах, но и собранной для прогулки. Лицо Агаты было измученным и бледным, но глаза светились мягким добрым светом. Она приложила палец к губам Цинны, не давая ей ничего спросить. Потом нежно поцеловала внучку в лоб и молча вышла за дверь. С тех пор Цинна ее не видела. Сначала она надеялась, верила, что Агата вернется. Затем медленно пришло понимание, что Агаты больше нет. Со временем появились смутные догадки, постепенно обретавшие смысл. Самым непостижимым для Цинны стало то, что никто из их знакомых никогда не спросил ее о бабушке! Словно ее никогда и не было! А когда Цинна пыталась кому-то напомнить о ней, все отводили глаза и молча уходили.

Сегодня все изменилось. Цинна приняла случившееся. После этого странного сна она впервые смогла произнести вслух: «Агата...

ушла... за Край». И сама испугалась, пробуя на вкус эти саднившие за- претные осколки слов.

Была вторая суббота августа. Лучшее время для сбора поздних трав. Цинна с раннего утра бродила по горным тропкам, придирчиво осматривала травинки и цветки, срывая только лучшие. Поход оказался удачным. Цинна сегодня забралась в малознакомые места и теперь спешила вернуться на «домашний» склон. Она и так уже непростительно долго здесь задержалась. До захода солнца нужно было обязательно оказаться у развилки с большим камнем, после которой начинался прямой спуск к городу.

Невероятно, но знакомые тропинки вдруг запутались, и развилка никак не находилась. Начало смеркаться. Цинна забеспокоилась. Она не могла поверить, что обычный подъем за травами обернется лихорадочным блужданием по склонам. Уже восемь лет она одна ходила в горы, и ни разу ее не подводило чувство правильной дороги. Цинна повернула за очередной выступ. Опять незнакомые камни.

– И что теперь?! – злясь на себя, крикнула она. – Ночевать здесь?!

Цинна устало опустила на камень и с тревогой посмотрела на темнеющее небо. Тучи быстро двигались, съедая последние светлые прорехи. Поднялся сильный ветер, и начался дождь. Тяжелые капли бросились с небес, сливаясь в струи и разбиваясь о скалы. По склонам зажурчали потоки воды. Они хищно сбились в ручьи и, обретая силу, понеслись вниз.

Цинна укрылась под нависшей каменной стеной. Это не помогло. Ее накидка быстро намочила. Не зная, как быть дальше, девушка продолжала стоять, не шевелясь. Скоро Цинна обратила внимание на один из ручьев. В отличие от бегущих вниз, этот упрямо уходил в сторону. По пути ручей легко размывал мелкий сор, обнажая твердую почву. Под ним явно была нахоженная тропа. Цинна решила пойти по этому маленькому руслу, надеясь, что открывшаяся дорожка выведет ее к одной из пастушечьих стоянок, которые здесь иногда встречались.

Дождь лил, не переставая. Цинна промокла до нитки и, ссутулившись под тяжестью мокрого платья, брела в темноте, думая только о том, как не потерять ручей, бежавший под ногами. Внезапно впереди мелькнул свет. Или ей показалось? Цинна остановилась, пытаясь рассмотреть что-нибудь в мутной пелене.

Вдруг из дождя, словно мгновенно собравшись из капель, появился силуэт. Цинна замерла.

– Я – Сторож, – услышала она тихий ровный голос, такой ясный, как будто не было вокруг шума падавшей воды.

Сторож!!! Девушка в мгновение поняла, где она оказалась, и в ужасе опустилась на колени, не в силах устоять на ногах. Ее била крупная дрожь.

– Я, я... не за этим, – запинаясь, прошептала Цинна. Брызнули слезы, смешиваясь с каплями дождя. – Не за этим! – отчаянно крикнула она.

– Я знаю, – так же отчетливо прозвучало в ответ.

– И что теперь? – с вызовом закричала Цинна.

– Тебе надо обсохнуть и выпить чаю, – услышала она и почувствовала, как на ее плечи ложится большой мягкий плащ.

...Они сидели под широким навесом рядом с чугунной печкой, от которой шли волны тепла. Сторож налил чай в большую глиняную кружку и протянул ей ломоть хлеба с козьим сыром. Вкус чая изумил Цинну – она была уверена, что лучший чай во всей округе только у нее. Снаружи лил дождь, а здесь было так сухо и спокойно, что все тревоги понемногу отступили, давая волю усталости. Девушка пошевелилась немного, устраиваясь в кресле, и провалилась в сон.

Цинна открыла глаза и улыбнулась утру – давно она не чувствовала себя такой отдохнувшей. Ярко светило солнце. Вдруг она вскочила, опрокинув кресло. Рядом упало толстое одеяло, которым она была накрыта.

Цинна все вспомнила! Она испуганно моргала, пытаясь собраться с мыслями.

– Как спалось? – услышала она и быстро обернулась.

Перед Цинной стоял Сторож. Вблизи он был совсем не страшный. Невысокий седой старик с высушенным ветром лицом и пронзительными синими глазами. Цинна посмотрела в них и не смогла оторваться. Ее словно затягивало в бездонную глубину. Накатила тошнота. Цинна моргнула. Она с трудом справилась с дурнотой, присев на подлокотник упавшего кресла.

– Спасибо... Вы очень добры... – запоздало ответила девушка. – Мне, пожалуй, пора, – торопливо добавила она.

– Конечно, – сказал Сторож. – Сейчас позавтракаем и пойдешь.

Они снова сидели под навесом, молчали и пили чай. Со стороны могло показаться, что это дед с внучкой любят прекрасными видами. И им нет никакого дела до того, что в двадцати метрах от них сияет глянец ровная скальная площадка с острым выступом без единой травинки – Край.

Цинна совсем оправилась, и теперь пылливый интерес рвался наружу. Не в силах больше терпеть, она робко спросила:

– А почему сюда приходят?

Сторож, казалось, ждал этого вопроса и охотно ответил:

– Причины всегда одинаковы: немощь, болезнь, потеря близких, одиночество. Бывает и неразделенная любовь. – Он усмехнулся. – Эти, осмотрев мой дом, почти всегда возвращаются. И это хорошо. Никого нельзя подталкивать к Краю.

Сторож надолго замолчал.

– А я могу подойти к Краю? – спросила Цинна неожиданно для самой себя.

– Конечно.

Она сошла с веранды и осторожно приблизилась к самому краю скалы. Старик последовал за ней.

– А если сделать шаг? Что, там уже ничего не будет?

– Никто не знает.

– Даже вы?

– Даже я.

Цинна отошла от Края и, собираясь с мыслями, стала рассматривать дом Сторожа. «Тот самый» дом. Любопытный чертик внутри у нее никак не унимался, и она выпалила:

– А можно посмотреть на вещи? Которые... – Она замолчала, так и не найдя подходящих слов.

– Которые оставляет каждый, кто по своей воле приходит сюда? – договорил за нее Сторож. Он подошел к девушке. – Посмотреть можно, но, боюсь, тебе не понравится. Для людей, стоящих близко к Краю, ценность вещей сильно меняется. Впрочем...

Они направились к дому. Подойдя, Сторож открыл дверь и пропустил девушку вперед.

Цинна со страхом переступила порог.

Везде, где только было возможно, лежали, висели и стояли самые разнообразие вещи. Вот у двери притаились самодельные костыли, а с потолка свисали похожие на бусы длинные вереницы колец: от простых оловянных до вычурных золотых. То тут, то там виднелись стопки вышитых салфеток, кучи носков, чулок и шапок. Над очагом пристроились курительные трубки: маленькие, с обкусанным мундштуками и богатые, резные. В углу, в широкой кадучке, собрались посохи, трости и простые сучкастые палки, отполированные чьими-то руками. Из-под лавок торчали носы самой разномастной обуви. Цинна содрогнулась, заметив на полке пожелтевшие зубы в пыльных стаканчиках, спрятавшиеся за кучками шляпных перьев, пуговиц и хлебных корок. На стенах мешали друг другу гроздья сабель, кинжалов и пистолетов. Одна из лавок была целиком заставлена бутылками: пыльными, безымянными и с хорошо знакомыми этикетками. А на столе, в хрустальной чаше, виселась горка пуль – от старых ружейных до современных, отлитых на заказ.

Жуткое смешение прошлого и настоящего, ценности и ненужности. Все это погружало в чувство незащитного откровения последних человеческих минут.

– И для чего вы храните все эти вещи? – подавленно спросила Цинна.

– Смотрю на них. Вспоминаю их владельцев.

– Вы что, помните их всех?
– Всех, – просто ответил Сторож.
– И молитесь за них?
– Можно и так сказать, – задумчиво протянул он.
– И все равно мне непонятно: зачем хранить все эти вещи? – опять осмелев, спросила девушка. – Ведь их хозяева не могут вернуться.

Сторож надолго замолчал. Черты его лица заострились, брови сдвинулись. Взгляд потерял тепло.

Наконец, глядя девушке прямо в глаза, Сторож произнес:

– Иногда за вещами возвращаются.
– Кто... возвращается? – испуганно пролепетала Цинна.
– Те, кто не упал вниз, шагнув за Край.
– Они что, не умерли? – прошептала Цинна побелевшими губами.
– Смерть – дело непростое... Одни тонут в черной бездне за Краем, другие уходят выше, становясь чем-то иным. – Сторож помолчал, прикрыв глаза. – Только перед тем как уйти, те, кто не упал, должны забрать свои «последние вещи». Изъять из нашего мира последнюю частичку себя, которая мешает новой гармонии. Мешает им завершить свой земной круг.

Цинна заворуженно молчала. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла понять смысл сказанного стариком.

Внезапно все тревоги и тайные надежды девушки вырвались наружу, болью отражаясь на лице:

«Агата... Агата... она...»

У Цинны закружилась голова. Чтобы не упасть, она оперлась ладонью о стоящий рядом стол.

«Я должна знать! Сейчас или никогда! Спроси!!!»

Цинна зажмурилась, глубоко вздохнула, открыла рот и... замерла, услышав ровный голос Сторожа:

– Там, где сейчас твоя ладонь, лежал гребешок твоей Агаты. Она забрала его.

– Я... мне... не... – пробормотала потрясенно Цинна.

– Довольно! Твое время вышло. Я жду... гостя. – Сторож помолчал.
– Ты без труда найдешь дорогу домой. – Снова повисла пауза. – Прощай. Мы больше не увидимся.

На глазах у Цинны Сторож мгновенно изменился. Из приятного старика он превратился в мрачного служителя Края. Спина выпрямилась, плечи расправились, от него повеяло колким холодом. Цинна поежилась, выдыхая облачко пара. Девушка вдруг почувствовала ледяное касание. Касание страха смерти.

Цинна попятилась. Споткнулась о мягкую кучу чулок и едва не упала. Она в ужасе выскочила за дверь и, не оглядываясь, понеслась по натопанной тропе.

Цинна не помнила, сколько прошло времени. От безумного бега ее дыхание сбилось, сердце бешено колотилось, болью отдавая в затылок.

Тропа свернула за каменный выступ. Здесь девушка упала без сил. Вокруг было тихо, только оглушительно стучало ее сердце. Над головой светило яркое солнце. Мимо лица пролетела маленькая бабочка.

Цинна медленно приходила в себя. Напряжение спало, и она дала волю слезам. Стало легче.

Девушка встала и собралась идти дальше, но потом вдруг вернулась к выступу и с опаской заглянула за него. Тропы, по которой она бежала, не было. Даже редкая трава не была примята, словно там никто никогда не проходил.

Цинна осторожно вернулась обратно на дорожку и побежала вниз. Тропинка неожиданно снова повернула, и Цинна чуть не врезалась в большой камень. Тот самый камень! Родная развилка!! Перед ней открылся прямой спуск к городу. Там, внизу, уже виднелись знакомые крыши.

Цинна бежала домой. Никогда она не чувствовала себя так легко. Все будет хорошо! Теперь – не может не быть!!

Арсений Могилёв REPEAT UNTIL KEYPRESSED

Выживший брел, с трудом переставляя замерзшие ноги. С каждым шагом из-под его босых ступней выскакивали ледяные кристаллы. Вокруг, до горизонта, простирался ровный лед, слегка припорошенный снегом. Не было ни единого предмета, за который можно было бы зацепиться взглядом. Суровое свинцовое небо, нависавшее надо льдом, казалось, пульсировало в такт с каждым биением сердца.

Дрожа от холода и изредка бросая взгляды вверх, Выживший шел, будто отмеряя шагами и время, и пространство сразу. Исполосованная левая рука то и дело роняла капли крови на ледяное поле. Казалось, и небо, и рука пульсировали в едином ритме, эхом отдававшимся в висках. Изможденное лицо Выжившего время от времени искривлялось в гримасе боли.

Рука болела. И это было спасением.

Выживший держался за эту боль, как утопающий за соломинку. Бережно, как самое дорогое, прижимая пострадавшую руку к груди, он понимал, что боль – это единственный способ остаться в живых. Идти вперед, тянуть время, как тяжелую ношу, пока не взметнется вокруг, испаряясь, ледяное покрывало, не разверзнутся гнетущие свинцовые небеса, *не протянется рука и не заберет его из бескрайней ледяной пустыни.*

Ведь лед проникает сквозь кожу за мгновения, промораживая ткань насквозь, выкручивает суставы до истошного крика, разрывает все внутренности, как замерзшая вода разрывает стеклянную банку, оставленную на морозе. И лишь спасительная и одновременно невыносимая боль в руке еще способна на какие-то мгновения перебить ледяной пульс внутри, отогнать невыносимое шуршание холода под кожей обратно из живота к замерзшим ногам, отсрочить его распространение по телу, неумолимо приближавшееся к сердцу.

С каждым шагом, как только ступня Выжившего касалась льда, тысячи ледяных кристаллов начинали взбираться по ноге, пронизывая ее холодом, рождая панику и новую боль. Мелкая ледяная взвесь, висевшая в воздухе, прилипала к обнаженному телу, стремясь проникнуть внутрь, найти путь через легкие, заполнить тело кристаллической смертью.

Выживший шел, бережно укачивая руку, хранившую в себе спасительную боль. Он не знал, сколько прошло дней, месяцев, лет, тысячелетий с тех пор, как он сделал первый шаг по этой ледяной бесконечности.

Глухой удар в небе отозвался звоном ледяных кристаллов под ногами.

Выживший вскинул голову.

Огромная цифра 5 в конце гигантской висящей строки сменилась на 6.

03:46.

Небо не разверзлось.

Лед вокруг Выжившего молчал.

[REPEAT]

Огромные отросшие когти правой руки Выжившего в многотысячный раз впилась в мясо его бережно прижатой к телу левой руки, разрывая ткани, рождая новую волну. Волну мучительной и спасительной боли.

[UNTIL]

Пустыня закончилась. И началась заново.

Понуро опустив голову, Выживший сделал первый шаг вперед.

[KEYPRESSED]

...

[«Keypressed».]

...

[«KEYPRESSED!!!!!!!!!!...»]

...

[«– Пожалуйста... Keypressed...»]

Марк Вишневецкий ПЛЕННИК ЛЬДА

Он не знал, сколько лет уже прошло с тех пор, как он стал пленником этой ледяной глыбы. Время для него остановилось. Его способности, почти безграничные, были заморожены заклинанием такой силы, что не оставляли ему никаких возможностей... почти...

В таверне Нагора было шумно. Этим вечером жители Кхатога, как обычно, пришли пообщаться и обсудить последние новости. И все разговоры крутились вокруг двух тем. Обсуждали непонятные явления в подземельях и трагический случай с Бормотуном.

Никто не мог припомнить такого: подземные монстры как будто сошли с ума. Бродили с места на место, собирались в стаи и нападали на всех, кто оказывался в их поле зрения. Раньше в подземельях охотились в одиночку и только на самых грозных монстров шли небольшими группами, чаще по трое. Сейчас же добывать ресурсы стало практически невозможно. Одно дело завалить Гадзога, совсем другое – когда на помощь Гадзогу приходят зомби, кобольды или огненные демоны.

Как в катакомбы проникали монстры из шахт, никто не знал. И друг с другом они тоже дрались. Кобольды и гууды вдруг нападали на скрабона, на помощь которому приходили вампиры и суккубы. Были даже сражения, когда гууды дрались против гуудов. Никто ничего не мог понять.

А что касается Бормотуна, то это вроде как несчастный случай был. Ну, перепил гном... ну, расхвастался, заявил, что с завязанными глазами пройдет по трубе, которая соединяла парниковые фермы. Ну и упал. Труба подломилась, и он упал. И убился.

Да только видно было, что трубу кто-то подпилит. Принц Корагор назначил расследование, но убийство это или несчастный случай, ясности пока не было.

– Да глупости это все, никакое это не убийство, – провозгласил Горсан, перебивая своим зычным голосом все разговоры. – Ну кто мог знать, что Бормотун на эту трубу полезет? Если и подпилит кто трубу, то, скорее, чтобы Корагору навредить.

– Успокойся, Горсан, ты не на работе, – раздался с другого конца таверны голос кузнеца Дхарона. – Хотя ты правильно говоришь, не похоже это на убийство. Видел я ту трубу. Не перепилена она, а перекушена.

Тут загалдели все:

– Перекушена? Да кто мог железную трубу перекусить?

– Известно кто. Монстры, конечно.

– Да откуда в тех местах монстры-то? Около ферм только скелеты да големы бродят. Им не осилить трубу. Железная все-таки.

– Дак пришли оне, значит. Вылезли из катакомб, а мож, и Уух Туум приполз. Он здоровенный, этот Уух Туум. В аккурат до трубы достанет. А зубы у него... вон Магрор знает.

– Тихо, тихо, не галдите! – попытался уговорить всех Торадор.

– Вот тут у нас есть Дафур. Насколько я знаю, расследование уже закончено, и он может нам что-то рассказать.

– Да-да, давай, Дафур, рассказывай! – поддержали Торадора все присутствующие.

Дафур встал:

– В этой истории два непонятных момента. Труба действительно была надкушена точно посередине. И обломилась в тот миг, когда Бормотун до этого места дошел. Какое животное могло перекусить трубу? Тут много вариантов, и следствие не ставило целью это выяснять. Хотя следы Уух Туума там зафиксированы. Монстры действительно последнее время ведут себя странно и меняют области обитания. Кроме того, под трупом мы нашли раздавленного подземного муравья. Видимо, Бормотун упал прямо на него. Но нам непонятна была роль Хильгора, который в тот вечер сидел за одним столом с Бормотуном. Из показаний свидетелей нарисовалась такая картина: был поздний вечер, и Бормотун, уже изрядно выпивший, спал прямо за столом. Внезапно он проснулся, вскочил и начал кричать на Хильгора, что тот зря называет его трусом, что он не трус и запросто пройдет по трубе, и даже с завязанными глазами пройдет. Хильгор отрицает все разговоры на эту тему, что подтверждают также свидетели. На основании всех этих фактов дело было квалифицировано как несчастный случай. Вот, как-то так...

– А вы осматривали подземного муравья, на которого упал Бормотун? – спросила Мизэлла.

– А какое это имеет значение?

– Не знаю, мне просто интересно все необычное. Какого цвета был хитин у этого муравья? Черный или серый? Если серый, то это муравей-рабочий, а если черный...

– Ни тот и ни другой. Он был с золотистым оттенком. И что?

– С золотистым, говорите? – вмешался Гродор. – Так это был не муравей. Это был Повелитель гуудов, но не взрослый, конечно, а молодой совсем. Я этих монстров всяко повидал, знаю. Только цветом они от муравьев отличаются. Но они вырастают потом, а муравьи такими же остаются.

– Ну, теперь все сложилось, – тихо проговорил Хреногор, но его слышали.

– Тихо! – вновь вскричал Горсан. – Вот Хреногору все ясно. Пусть нам расскажет. Послушаем этого умника.

– Давай, Хреногор, рассказывай, – поддержала Горсана вся компания.

– Не судите строго, братцы, но это было все же убийство. Монстры убили Повелителя гуудов посредством Бормотуна. Он мешал кому-то там, ну и убили его. Да не смейтесь вы! Я про Повелителя говорю, а не про Бормотуна. А Бормотун там случайно оказался. Любой там мог оказаться. Кто сел бы за один стол с Хильгором, тот и пошел бы на трубу эту. Да чего вы? Эх... не буду рассказывать!

– Нет-нет, давай, Хреногор!

– Продолжай, Хреногор, складно начал!

– Тихо, тихо! – прервал общий гам Горсан. – Всё, мы не будем смеяться, продолжай.

– Ну ладно. В общем, я подозревал, что монстры гораздо умнее, чем мы думаем. У них своя политика, борьба за власть, а сейчас вон прямо война началась. А этот Повелитель гуудов у них важная шишка, должно быть. Принц или что-то в этом роде. Просто так его убить нельзя было, ну его и заманили под эту трубу. Важную встречу, например, назначили или еще что. Уух Туума пригнали, чтобы трубу прокусил. И им нужно было, чтобы в назначенное время гном на эту трубу полез. Ну и свалился бы прямо на Повелителя этого. И раздавил его. Вроде нечаянно так. Несчастный случай вроде как.

– Ну и как они заставили Бормотуна полезть туда? И при чем здесь Хильгор? – спросил кто-то нетерпеливый.

– Ну Хильгор-то при том, что тот, кто садится за один стол с Хильгором, выдерживает не более часа. В выпивке с Хильгором никто не сравнится, поэтому через час Бормотун уже спал бородой в тарелке. Ведь так было? И тут начал действовать суккуб. Он вполне мог на чердаке спрятаться. Все же знают, почему в подземельях спать нельзя. Потому что, если суккуб поблизости, то он в сон твой приходит и может так заморочить, что своих не узнаешь. В общем, суккуб вошел в сон Бормотуна в образе Хильгора и стал его оскорблять. Называл его трусом и говорил, что тому никогда не пройти по трубе между парниковыми фермами. Потом заставил его проснуться. Дальше вы знаете. Бормотун не понял, что ему все приснилось, и обиделся. Никакой гном не потерпит, когда его трусом называют. Насчет завязанных глаз, скорее всего, Бормотун придумал уже сам. Это не было предусмотрено. С завязанными глазами он мог не дойти до середины трубы. Он мог свалиться раньше и тогда не упал бы на Повелителя гуудов. Но он дошел...

– Ну ты даешь, Хреногор! Такую историю придумать!

– Да уж, отличился!

Посетители таверны еще немного посмеялись над Хреногором и перешли к обсуждению других тем...

Два гууда в это время прятались на чердаке и подслушивали.

– А этот гном не так глуп, – проскрипел один другому.

– Да, хорошо, что ему не поверили. Пошли, доложим, что все гладко прошло.

В это время в «Небесных чертогах» Эквиль и Кхадгор молча разглядывали огромный куб изо льда – вернее, не сам куб, а существо, заключенное в нем.

– Ты думаешь, Эквиль, что это его рук дело? Разве не лишили мы его всех магических сил?

– Не знаю, его это дело или нет, но полностью заблокировать его невозможно. Какие-то минимальные действия ему доступны.

– Да, жаль, что мы так и не смогли его убить. Замешан он в этих явлениях или нет, но надо следить. Меня ужас пробирает, как представляю, что он может освободиться...

А Темный повелитель ждал. Он даже не сердился на Эквиль и Кхадгора. Боги всегда убивают своих создателей. По крайней мере, пытаются. Только так боги занимают свое место в мире. На этот раз у них не получилось. Ему осталось только ждать, и они не смогут ничего заметить и предотвратить. Незначительные магические воздействия на протяжении сотен лет заметить невозможно. По сути, все уже сделано.

Не в этот раз, так в другой монстры пойдут войной на гномов и людей. Людям ничего не останется, как объединиться с гномами. В результате монстры будут полностью уничтожены, а заодно и гоблины. После этого люди уничтожат гномов. Магия будет утеряна, начнет развиваться технология. Люди разделятся на разные народы и станут воевать друг с другом. И создадут такое оружие, жар которого достигнет небес. И тогда эта глыба льда растает.

Темный повелитель ждал...

Ольга Илясова СТИХОТВОРЕНИЯ

РОЖДЕНИЕ ВЕДЬМЫ

Во Флоренции тихо, улицы днем пусты,
Обживают крысы площади и мосты,
Заколочены окна, где-то слышится плач,
И горят все ночи зловещим огнем костры.
«Бесполезно», – вздохнул устало знакомый врач.
На полу лежат окровавленные бинты...

Что-то в этом мире сильно пошло не так,
Отбивает колокол смерти корявый такт,
По утрам в телеги бросают трупы людей и птиц,
И не видно вокруг ни солдат, ни толпы зевак.
Не смотреть, не видеть мертвых знакомых лиц...
Расцветает чума – отравленный черный мак.

Что ж ты, Боже, просто смотришь – и ничего?
Видишь – боль и горе вышли из берегов,
Слышишь эти дикие крики и смертный стон?
Яд течет по венам – и ладно б, твоих врагов.
Мне святой отец сегодня крикнул вдогон:
«Руби! Ты человек! Ты не можешь понять всего!»

Я сижу, припав спиной к ледяной стене,
Я смотрю на них – любимых своих детей.
Как же тихо... и запах смерти, язв и венков.
Неподвижны рыбки в улове чумных сетей.
Помолилась бы – только нет подходящих слов,
А какие в молитвах есть – те совсем не те...

Знаешь, Бог, я тебя не помню, не узнаю.
Как-то мутно мне будет в этом твоём раю.
Как-то подло, ложно, неуютно и мерзко,
Под симфонию боли фоном в земном краю.
Разве ангелы от этой фальши не устают?
Если только память стереть... ну разве что – если.

В сердце кровь стучит, как черный морской прибор.
Мне неважно с кем – да только бы не с тобой.
Скоро полночь, над перекрестком встает луна.
Есть кому отдать свою верность и свой покой.
Может, есть тот Бог, для которого жизнь ценна...
Только он, похоже, такой же, как ты – глухой.

ДОМ БЕЗУМНОЙ МАРИ

Там, где заросший крапивой овраг,
Громко кричат глухари,
Ели и сосны хранят полумрак
Дома Безумной Мари.

Не изменяй безопасный маршрут,
Молча и зорко смотри –
Ложные тропки тебя приведут
К дому Безумной Мари!

Там по ночам зажигают костры
И черепа-фонари.
Черные кошки умны и шустры
В доме Безумной Мари.

С ивы когтями сдирают кору
Серые нетопыри,
Сотни теней пролетают вокруг
Дома Безумной Мари.

Странные зовы, и песни, и свист
Слышатся там изнутри.
Свет в низких окнах манящ и лучист
В доме Безумной Мари.

Если свернешь по ошибке туда,
То притаись и замри
Там, где течет ключевая вода
К дому Безумной Мари.

Тихо скажи заклинанья слова,
Знак громовой сотвори –
Тут же отпустит тебя ворожба
Дома Безумной Мари!

Сергей Шоня ГАЛАПАГОС

Миссионер и черепаха
понишкой парюю сидели,
в тени кустарников укывишись
от солнца и от всего мира,
где скован был немой болезнью,
что, убегая на край света,
ее завез под черной рясой
в страну безмолвной черепахи.
Глаза уставились на небо,
где облаками вольно плыли
миссионеры, черепахи,
и на минуту показалось –
они, друг друга взяв за руки,
счастливой парюю летели,
в объятях, неразлучных ветром,
освящены извечно Солнцем...
Оно уже простило землю,
когда на ней лежать остался
один, совсем не сомневаясь
в речах к молчащей черепахе.

Алекс Левин-Арлев ОГРАБЛЕНИЕ

К полудню в банке, том, что аккурат на углу Цветочной и Гороховой, собралась небольшая очередь. Грабитель в маске вошел без лишнего шума.

– Ложись. Ограбление! – крикнул он, но как-то не очень убедительно.

Публика попалась ленивая и ложиться на пол не торопилась. Кажется, она вообще мало внимания обращает на него.

Это его обидело. Тогда для острастки он пульнул холостым в потолок.

– Я вам русским языком говорю. Ограбление!

Публика поверила в его намерения и неохотно залегла.

– Ходить тут всякие, – с пола заметила тетка Люба.

Грабитель, стараясь не задеть лежавших, подошел к кассе.

– А чего без очереди? — заерепенилась старушка, залегшая перед окошком. – Я полчаса простояла.

– Ой, Витёк, уж не ты ли это? Так это ж Витёк из третьего подъезда! – запричитала тетка Люба.

– Молчи, тетка Люба, – вздрогнул грабитель. – Жить надоело?

Но остановить тетку Любу, когда она заводится, было невозможно даже под прицелом. Ну, если только курок нажать.

– Да, что ж, соколик, такое случилось? Мы-то уж во дворе плохого за тобой не знали ничего. И пьяным-то никогда не видали. Расскажи что-нибудь плохого о себе, а то что ж получается – мы зря сидим, время свое изводим, а про тебя ничего не знаем.

– Хорош базар разводить, – встрял в разговор старичок, лежавший рядом с теткой Любой. – Грабить будем или не будем? А то мне на холодном полу нельзя – простужу всё, что осталось от любви. И так всё на таблетки уходит.

– А меня с работы уволили. Что теперь делать? Ребенка ждем, – сказал парень в углу. – Что я ему скажу? Полезай обратно, пока я работу не найду? Он же маленький, не понимает, куда вляпался.

– А я на зубного копила. Двадцать тысяч за два года. Похоже, мне так и не придется разжевать шашлык в этой жизни, – сказала женщина у батареи.

– А за пять тысяч зубы можно сделать? – спросил у нее грабитель.

– За пять тысяч только половину рта и без наркоза, – ответила женщина.

– Изверги! – Грабитель сочувственно покачал головой. Затем через окошко протянул мешок кассирше: – Клади мне деньги сюда.

Только оставь для каждого по десять тысяч в качестве моральной компенсации.

– Так тебе грабить нечего будет, если каждому по десять тысяч оставить, – сказала кассирша.

– Да это банк или лавочка какая? – вступилась тетка Люба. – Как это нечего грабить? Человек старался, готовился. А тут нечего грабить у них...

– Кажется, есть немного в сейфе, но это в подвале, за железной дверью, туда сбегать надо, – сказала кассирша.

– Ну так сбегай, чего там, – сказал старичок, которому на холодном нельзя.

– Хорошо, – сказала кассирша грабителю. – Я сбегая вниз, а ты пока за ними посмотри, а то знаешь, народ какой у нас...

– А ты на кнопку для полиции не нажимала еще? – спросила у кассирши тетка Люба.

– Да нет, заболталась тут с вами. Да и зачем? Нам самим не хватает.

– И правильно. Не нажимай, мы тут сами разберемся.

– Вот получу десять тысяч, – начал старичок на холодном полу, – приду домой, шлепну пачку на стол перед женой. Она спросит: «Где десять тысяч взял?» А я так гордо: «Где взял, где взял... Банк ограбил, вот где взял!» А она мне: «Мужик!»

– А я, – сказала тетка Люба, – даже не мечтала о пятидневном туре в Европу.

– На десять тысяч в Европу на пятидневный тур не съездишь, – сказал грабитель.

– Да, – кивнула тетка Люба. – Но мечтать уже можно.

Вернулась из подвала кассирша.

– Нет там денег, весь сейф облазила. Тебе не останется, если всем по десять тысяч дать, – сказала она грабителю.

– Хорошо, – сказал грабитель, – всем по пять тысяч, остальное мне.

– А мне? – спросила кассирша.

– И тебе пять тысяч, – сказал грабитель.

– Мне мало, – сказала кассирша, – у меня ответственность больше всех.

– Ладно, – сказал грабитель, – тебе десять.

– Так дело не пойдет, – сказала тетка Люба. – Ты мне десять обещал, Витёк.

– И мне обещал, – сказал старичок.

– И нам, и нам, – сказали все.

– Приходи завтра часам к одиннадцати, – сказала кассирша грабителю, а потом обратилась к очереди: – И вы приходите. Утром из строительной компании «Атлант», которая новый район застраивает, распиленные деньги привезут. Приходите, всем хватит.

– Витёк, только не опаздывай, – сказал старичок.

– Да, уж, Витёк, не опаздывай, – сказали все. – Мы тебя ждать будем.

Назавтра все собрались к одиннадцати. Броневилок с деньгами из строительной компании не пришел – видать, там все деньги между собой уже распилили и распихали.

Расходились грустными.

– Приходи в четверг, – сказала кассирша Витьку. – Из другой компании точно привезут.

– Не, – сказал Витёк. – У меня отгулы кончились. Отпрашиваться с работы неохота. В другой раз как-нибудь.

– Только нас предупреди, когда сюда пойдешь, – сказали все.

К началу следующей недели Витьку пришло письмо – явиться в городское управление.

– Проходите. – Секретарша указала Витьку на дверь мэра.

– О вас хорошее мнение среди жителей третьего микрорайона, я получаю от них письма, – сказал мэр. – Чем это вы заслужили такое мнение?

– Заботой о людях, – немного стесняясь, ответил Витёк.

– Люди советуют вас назначить на должность в отдел социального обеспечения, – сказал мэр. – Чем вы займетесь в первую очередь как начальник отдела соцобеспечения?

– Строительная компания зависила смету, а разницу распилили между собой, – сказал Витёк.

– Откуда сведения? – поинтересовался мэр.

– Ну, так... В банке по случаю рассказали, – скромно сказал Витёк.

– Предлагаю оштрафовать строительную компанию и отдать деньги людям.

– Правильно, людям — это хорошо. Приступайте к работе, У нас люди есть, – сказал мэр.

За несоблюдение пожарных норм строительная компания выплатила большой штраф.

Для жителей микрорайона убрали в скверике кучу мусора и поставили две новые скамейки. Витёк – теперь уже Виктор Николаевич – добивался, чтоб еще дополнительные две скамейки поставили, но ему объяснили, что деньги на деревьях не растут.

«И то верно: на деревьях не растут», – подумал Виктор Николаевич.

На следующий день Виктор Николаевич пришел на работу позже. По пути он зашел в банк.

Все были в сборе.

– Ложись! – без всякого оружия скомандовал он начальственным тоном.

Народ грохнулся на пол и, приподняв головы, прислушивался к команде.

- Лежать! Ограбление! – продолжал Виктор Николаевич.
Стало тихо. Первой встрепенулась тетка Люба.
- Витёк, – сказала она, – а ты как – взаправду иль понарошку? А то мы с подружками про тебя только хорошее знаем.
- Вот, — сказал Виктор Николаевич кассирше и протянул список. – Раздай деньги, как я обещал.
- А можно мне в связи с непредвиденными обстоятельствами на пять тысяч больше? – поднял голову старичок, который рядом с теткой Любой залег.
- Молчать! – прикрикнул Виктор Николаевич. – А то и этого лишу.
Старичок затих. Никто голову больше не поднимал.
- Всем раздать строго по списку, вот тебе смета, – сказал Виктор Николаевич кассирше. – Составь акт о краже строго по смете. Я подпишу.
- Вам сколько оставить, Виктор Николаевич? – спросила кассирша.
- Мне не надо. Мне главное, чтоб народ в меня верил.

Алекс Левин-Арлев ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО

Авиационный полк, в который меня направили служить, располагался в небольшом чистеньком эстонском городке. Полка этого давно уже нет, но в то время о его существовании знали все, потому что невозможно скрыть присутствие авиационного полка в городке, над которым летают самолеты. Кроме жителей городка и его окрестностей, о наличии полка знали и американцы. Американцы постоянно летали вдоль границы и прослушивали всё, что можно было прослушать, и просматривали всё, что можно было просмотреть.

Метеорологическое подразделение состояло из трех солдат, трех офицеров, начальника и прапорщика Олега.

Обаятельный лентяй и раздолбай, насмешник Олег ждал конца своего контракта. Уж не знаю, как он договорился с начальником, но появлялся он на службе раза два в неделю, то есть дней восемь в месяц плюс, конечно, день зарплаты.

Олег очень любил рассказывать всякие прикольные истории из армейской жизни, самая любимая была – как на флоте новичков заставляют продуть макароны.

Так получилось, что он зашел на метео в день моего первого дежурства. Тут звонит командир полка, требует доложить прогноз погоды. Я внутренне напрягаюсь, сажусь за стол и, разглядывая синоптическую карту, впервые докладываю командиру прогноз.

Вдруг слышу возмущенный голос Олега:

– Ты что, оборзел? Не знаешь, как делать доклад командиру? Командиру докладывать по телефону стоя надо!

Я, не отнимая телефонной трубки от уха, продолжаю докладывать обстановку, в отчаянных попытках встать из-за стола. И все это происходит под громкий смех офицеров и застенчивые смешки солдат.

Отзываю Олега в сторонку как старший по званию, высказываю ему свои претензии.

Его ответ звучит совсем не по уставу.

– Не бери в голову, Саня!

На следующий день после дежурства жалуюсь на Олега моему другу Андрею Мысеву.

Андрей подумал и говорит:

– Не бери в голову. Это авиация!

Позже я понял, что он имел в виду.

Следующее мое дежурство выдалось очень напряженным. Классическая осенняя прибалтийская погода: морось, вот-вот аэродром накроет туманом, самолеты в воздухе. Если накроет, куда сажать? Все

запасные аэродромы уже закрыты. Лететь вглубь континента? Хватит ли горючки? Обстановка нервная, мой начальник звонит с КП каждые пять минут, требует докладывать обстановку по региону. Ему там, на КП, тоже достается – полетами руководит заместитель командира полка подполковник Трофимов, а тот всегда очень нервничает и тем самым создает соответствующую обстановку. Когда сам командир полка руководит, обстановка все-таки более спокойная.

Из телефона доносится крик начальника:

– Почему погоду не докладываешь? Язык отсох? Что там в районе острова творится? Где туман? Два истребителя в воздухе. Что думаешь? Сажать можно?

Опять звонок. Ефрейтор Коростылёв берет трубку:

– Товарищ лейтенант, просят дежурного синоптика. – И смотрит на меня с интересом.

Я хватаю трубку. На той стороне молчание, потом женское придыхание:

– Это Марина, жена прапорщика Олега. Скажите, пожалуйста, когда дождь кончится? Мне надо собаку выгуливать.

Я слегка оторопел от такой непосредственности.

– Вечером, после девяти, – выпаливаю я и собираюсь уже кинуть трубку на рычаг, вызов прямой связи с КП загорелся.

Но тут мелькает мысль:

«Этот шанс нельзя упустить».

Глазами указываю Коростылёву, чтобы он ответил КП. Хотя понимаю: от начальника втык будет за то, что не взял связь.

Олега я видел пять минут назад, он на склад ушел.

Говорю в телефон:

– А вы не знаете, где Олег? Он нам очень нужен. Он утром с какой-то женщиной по телефону говорил, а потом ушел. Это не вы были? Его тут нет.

В телефоне глухое молчание, я бросаю трубку. Опять КП вызывает.

Утром необычайно рано, до конца моей смены, приходит Олег, отзывает меня в сторону:

– Саня, ты выиграл. Позвони Марине. Скажи, что ты пошутил.

Звоню Марине, извиняюсь. Она мне не верит. Объясняю ей:

– Олег меня подставил, все надо мной смеялись. Это моя ответка, я его тоже подставил, когда вы позвонили. Никакая женщина ему не звонила, и он ходил на склад.

– В то, что он вас подставил, я верю, он такой, – говорит Марина.

– А вот в то, что никакая женщина ему не звонила, не верю. Не покрывайте его, я этого кобеля хорошо знаю.

– Олег, – говорю ему, – она тебя, кобеля, знает. Не верит мне, что ты на склад ходил.

– Как это я на склад не ходил?! – возмущается Олег. – Чистая правда: ходил!

– Что делать будем? – спрашиваю.

– Есть идея, – говорит. – Поможешь?

У меня друг был в автоподразделении. Я сбегал к нему и достал Олегу запчасть для мотоцикла, без которой он не мог полгода завестись. Олег предъявил запчасть жене: «Вот, смотри, для чего я на склад ходил». Она поверила ему в последний раз.

Потом я его спросил:

– Олег, все-таки зачем ты на склад ходил?

– Да так... – замешкался он. – Есть у меня там боевая подруга.

– Ну ты кобель! – невольно восхищаюсь я. – Если б я знал, ни за что тебя бы не подставил. Не обижайся.

– Обижаться нам нельзя, – говорит. – Авиация! Какие обиды? Летчики в небе! Любой оператор подметальной машины за их жизнь отвечает. А мы с тобой погоду тут делаем.

Молодец, Олег, правильно сказал! Только я так и не понял, что он-то делал, кроме того что на склад ходил.

Марк Вишневецкий ГЕРОЙ

Когда Гарт послали патрулировать с Сандерсом хребет Ящера, он не очень обрадовался. Ничего хорошего не происходит, когда новобранец в паре с ветераном, а тут еще именно с Сандерсом. Тот был не самым плохим человеком, но чаще других вмешивался в бои новобранцев. Ветеранов никогда особо не заботило, что другим тоже нужно повышать ранг. А на жалобы Сандерс обычно отвечал так: «Нет проблем, малявка, ты тоже в мои бои заходи, когда захочешь». И смеялся при этом. Но новичкам выбирать не приходится. Ну, значит, с Сандерсом. Ничего...

До хребта добрались только к полудню. Сандерс не торопился, не пропускал ни одного, даже самого мелкого гнома. У старой заставы Гарт стоял почти час, ждал, пока Сандерс перебьет всех фермеров, добывавших там ресурсы. Наконец добрались до подъема к перевалу. В этом месте, как всегда, дул сильный ветер. А на перевале, конечно, было еще холоднее, чем внизу.

– Держи свисток, малявка, – приказал Сандерс. – Если увидишь гномов, свисти. Я в такую погоду в гору не полезу. Подежуришь на перевале четыре часа и спускайся, смена подойдет как раз.

Сандерс расположился в одной из палаток Бивака умерших, а Гарт начал подъем.

Его спасло то, что он был один. Вдвоем с Сандерсом они бы производили изрядный шум, и гномы услышали бы их раньше. Но Гарт, как все новобранцы, привык ходить тихо, поэтому первым услышал голоса. Похоже, гномы тоже выслали патруль на перевал и пришли туда раньше.

Гарт подполз поближе и выглянул из-за скалы. У костра грелись два гнома. Судя по знакам различия, тоже новобранцы. Гарт достал свисток и сильно дунул в него. Это был охотничий свисток, поэтому раздался не свист, а визг самки варана в брачный период. Возможно, вараны в Соли-Доре и услышали, но услышал ли его напарник? Гарт отполз от скалы и начал обходить гномов, чтобы оказаться сзади, когда появится Сандерс.

Один из гномов насторожился:

– Ты слышал?

– Да вроде варан кричал. Ничего особенного.

– Если и были у тебя мозги, то, наверно, вытекли все, вместе с намокром твоим. Какие вараны в горах?

– А, точно. Тут что-то не так. Да и брачный период у варанов зимой никак не может быть. А ну сходи проверь.

– Давай так: ты сходи проверь, а я тебя прикрою.

Пока гномы препирались, Гарт успел обойти их и забраться на один из громадных валунов, между которыми проходила тропа. Отсюда начинался спуск на противоположный склон, к Кхатогу. Гарт осмотрелся. Примерно двумястами метрами ниже тропа выходила на небольшое плато, там горели костры. Значит, еще отряд гномов. А у подножия горы сгрудилось много телег. Что там гномы делали, было не разглядеть, но была видна какая-то суета – все двигались, то ли разгружались, то ли нагружались. Похоже, что-то намечалось. И где этот Сандерс? Неужели не услышал свистка? С горы звуки должны разноситься хорошо.

Гарт повернулся, но неудачно поставил ногу. Камень был скользкий, и он свалился с валуна. Конечно же, гномы его увидели и сразу бросились в нападение. Если бы тут был Сандерс, то этим гномам пришлось бы несладко, а так несладко пришлось Гарту. Он ушел в глухую защиту и непрерывно свистел в вараний свисток, но Сандерс не показывался.

Гномы ожесточенно атаковали. Их было двое на одного, но это преимущество сослужило им плохую службу. Они не думали о защите и тактике боя. Просто молотили Гарта изо всех сил, и когда один из них неосторожно раскрылся, Гарту удалось нанести мощный удар. Гном на некоторое время отключился, а его напарник струсил и бросился бежать.

«Плохо, – подумал Гарт, связывая потерявшего сознание гнома. – Сейчас он подмогу позовет. Нужно бежать за Сандерсом».

Но за Сандерсом далеко бежать не пришлось. Оказалось, что ветеран услышал сигнал Гарта и почти поднялся на перевал, но тропа была скользкая, а тут еще порыв ветра. В общем, Сандерс не удержался и свалился в расщелину. Расщелина была неглубокая, но массивные доспехи застряли намертво. Только одна его рука была свободна, вторая оказалась прижата к туловищу. Выбраться самому не представлялось возможным.

– Ну сколько тебя можно звать, малявка? – начал ругаться Сандерс. – Давай тащи меня отсюда.

– Там гномы были, ну я и...

Все оправдания потонули в лавине ругательств рассерженного ветерана. Гарт вздохнул и начал молча вытаскивать Сандерса. Впрочем, без особого успеха. Тем более что времени у него на это не было. Он понимал, что по противоположному склону сейчас поднимаются гномы, и сколько их... нужно посмотреть.

Оставив безуспешные попытки, Гарт поспешил на перевал. Выглянув из-за валунов, он увидел, что из лагеря, находившегося на плато, начали подъем шесть гномов, а один спускался к подножию, к базовому лагерю. Значит, первые шестеро будут здесь минут через десять, а

через час их будет еще больше. Что же делать? Мысль, что можно уйти, ему просто не пришла в голову. Пусть Сандерс заносчивый и вредный, но оставлять его гномам нельзя. Ну и, кроме того, если гномы что-то замыслили сделать на этом перевале, нужно им помешать.

Гарт осмотрелся. У костра лежали брошенные рюкзаки, в казане кипятилась вода. Наверно, гномы хотели чаю попить. Гарт снял казан и вылил воду прямо на тропу, по которой к нему поднимались гномы. За десять минут тропа заледенеет, и гномам будет трудно подняться. Особенно если он, Гарт, встанет в узком проходе между валунами и будет им мешать. Потом Гарт сходил к Сандерсу и попытался вытащить того из расщелины, но опять безуспешно. Забрав у Сандерса алебарду, он вернулся к валунам.

И вовремя. Гномы уже почти добрались. Один успел поскользнуться на заледеневшем участке и теперь лежал на склоне двадцатью метрами ниже. Пятерых оставшихся отделяло от Гарта примерно два метра оледеневшей тропы, и один из них колотил топором по льду. Гарт начал тыкать в гнома алебардой, мешая скалывать лед. Ему удалось ранить гнома в руку, но того сменили двое других.

Теперь гномы поменяли тактику. Один скалывал лед, а второй его прикрывал, отбивая алебарду Гарта. Медленно, но верно гномы продвигались вперед, и вот они оттеснили Гарта от начала тропы. Но тут появились вараны. Видимо, свисток был очень хороший, и обманутые вараны полезли за самкой на перевал. Они были очень возбуждены, агрессивны, и их было много. Гарт засвистел в свисток и прижался к скале. Вараны бросились на звук, не обращая внимания на стоявших на их пути гномов, – и просто снесли их. Когда Гарт выглянул из-за камней на тропу, то увидел на склоне тела гномов и варанов, а также отряд гномов, который преодолел уже треть подъема.

Он вернулся к Сандерсу. Тому удалось освободить вторую руку, но заклинившаяся броня еще крепко его держала.

– Сними наплечники и расстегни доспехи, – посоветовал Гарт. – Так ты сможешь выбраться.

Он положил секиру рядом с Сандерсом и вернулся на перевал.

«Нужно еще немного задержать гномов, – сказал себе Гарт. – Уже скоро должен подойти наш патруль. В брошенных гномами рюкзаках может быть взрывчатка».

Так и оказалось. Гарт заложил взрывчатку под валуны и стал ждать. Когда отряд гномов добрался до плато и продолжил подъем, он поджег запалы.

Один валун пронесло стороной, второй только задел цепь поднимавшихся гномов, но множество более мелких камней, потревоженных двумя валунами, нанесли гномам очень серьезный урон. Только пять гномов сумели добраться до перевала, и все они были изрядно

побиты. Тут их и встретил Гарт. Гномы были уставшие и израненные, и Гарту удалось свалить еще двоих, прежде чем он получил сильный удар и потерял сознание. Последним, кого он видел, был подбегавший к месту схватки Сандерс.

– Друзья! – торжественно начал староста Златован. – Сегодня мы собрались, чтобы выразить свое восхищение настоящему герою, доблестному воину и нашему боевому товарищу. Он, можно сказать, в одиночку сдерживал значительные силы гномов, которые пытались организовать опорный пункт на перевале хребта Ящера. И тем самым сорвал готовившуюся гномью вылазку в районе оазиса Омакшан. И хотя его напарник практически с самого начала этого боя вышел из строя, он не только уничтожил множество вражеских воинов, но и сумел взять одного в плен. Благодаря этому мы получили стратегическую информацию о планах принца Корагора. А это стоит немало. Для меня большая честь вручить эту медаль, именное оружие и денежное вознаграждение нашему герою, рыцарю без страха и упрека – Сандерсу. Ура!

Маргарита Репаловская МОСТЫ ИСПРАВЛЕНИЯ

На краю глубокого горного ущелья, по которому протекала мутная, ледяная река разместился город. Жители его много ели, пили, некоторые безудержно курили сигареты. Кто-то играл в азартные игры, а кто-то тратил все заработанные деньги до копейки, едва они касались кошелька. Жизнь представляла собой рутину, состоявшую из вереницы дней, похожих как две капли воды друг на друга.

На окраине города лежало старое теплое болото. Горожане приходили к нему редко. В основном там плескались те, кто утратил надежду встать когда-нибудь на хрупкие доски мостов исправления. Этим людям нельзя было называть несчастными, болотная трясина, хоть и была вонючей и грязной, зато в ней было тепло и комфортно. По-своему она избавляла их от ежедневной гонки за деньгами, титулами и званиями.

Взрослые, воспитывая детей, подводили их иногда к непроглядным водам болота и строго-настрога запрещали когда-либо туда лезть. Дети показывали пальцем на купавшихся в болоте взрослых и смеялись – каждый из них верил, что никогда в жизни не скатится до этого зловонного чудовища. И каждый из них мечтал, став взрослым, приобрести благородную профессию космонавта, врача, учителя, служить примером для своих земляков и непременно быть счастливым.

Если бы эволюция действительно двигалась от низшего к высшему, то люди, скорее всего, рождались бы больными, усталыми взрослыми, чтобы со временем стать чистыми, как свет, энергичными и счастливыми детьми. А так даже самый наивный и добрый ребенок не был застрахован от попадания в пожиравшее человеческие тела и души болото.

Надежда у этих людей все же была, но претворить ее в жизнь решились очень немногие. Втайне от других, они иногда, будучи сами с собой наедине, поглядывали в сторону мостов исправления. Для многих вход на такие мосты был открыт. Можно сказать, он был открыт для всех, ровно до того момента, пока врач не поставит диагноз: «Ваше время истекло». Все знали об этом диагнозе, никто здесь не жил вечно. Горожане не были богами или ангелами, а были всего лишь людьми из плоти и крови. Многие также верили, что где-то в этом кожаном мешке присутствует и душа. Душу, правда, никто из живущих ни разу не видел, но народные традиции и предания вселяли непоколебимую веру в то, что у каждого кожаного мешка обязательно, сродни волшебной палочке, есть легкая, как перо птицы и чистая, как улыбка младенца, душа. Она-то и заставляла убежденных в существовании души хотя бы иногда задумываться о мостах исправления.

Проблема была в том, что почти все горожане верили в то, что вход на такие мосты открывается с завтрашнего дня. Эта религия тут была общепризнанной и официальной, и ее приверженцы назывались «прихожанами завтрашнего дня». Но находились и такие, кто верил в то, что вход на мосты исправления открыт для всех и не с завтрашнего, а с любого дня в календаре, без выходных и праздников. Эту религию тоже оформили официально, однако прихожан в таких храмах было очень мало.

* * *

Проснулся Вадим с плохим самочувствием. Да и как спится человеку, едва укрытому стареньким плащом, под открытым небом, посреди необъятного моста, конец которого, и в особенности то, что таится там, на той стороне, видели ой как немногие. Те, кому удавалось пройти этот мост до конца, уже никогда не возвращались к своим согражданам, оставшимся на этой стороне. Они познали там что-то такое, что давало им сил не возвращаться и не дышать при порывах жаркого южного ветра гнилыми отходами старого болота.

«Седьмой день ни капли алкоголя, – размышлял он, – а мост и не думает заканчиваться. Может, ну его? Пойду да куплю бутылочку вина: белого или красного. Денег жалко? Так можно и дешевого взять, это и незаметно для кармана». – Мысли роились в его голове, споря друг с другом.

Ему вспомнилось лицо его девушки Вики.

«Дорогая, я уже несколько дней на мосту исправления и за это время не сделал ни одной затяжки!» – радостно сообщил он ей по телефону.

«И что, это для тебя много?!» – услышал в ответ.

«Ну ты и гадина, Вика, как же ты меня достала! – Вспомнив приторно праведное лицо своей девушки, Вадим еще больше захотел купить вина. – Вот ради кого я так мучаюсь?! Хотя бы слово доброе сказала, гадость такая, я же так стараюсь, так верю! Да, пусть не всегда верю, что смогу бросить вредные привычки с первого раза, зато я не прекращаю попыток, и для меня эти дни стали настоящим прорывом за последние пять лет!»

Он вспомнил, как пять лет назад бросил курить. Тогда он смог продержаться целых пять месяцев.

«Видимо, потому, что тогда не было этой занозы, которая бы постоянно меня унижала», – зло подумал он.

С тех пор, как он вновь начал курить, не было в его жизни ни одного дня без пачки сигарет, а то и двух, если сильно напивался. А тут только за последние два месяца целых два прорыва. В первый раз он не курил пять дней, через месяц – уже семь.

«В следующий раз смогу больше, – решил он. – Главное – не прекращать попыток. Что бы ни случилось, не останавливаться на пути исправления».

Виктория в упор не видела практически никаких его достоинств, а если и видела, то спешила тут же их обесценить.

«Ты что, принц? Корону он на себя надел! Да мало ли таких, как ты?! Таких, как ты, навалом! Ты слишком многое о себе возомнил», – любила повторять она.

Но надо отдать ей должное: Виктория была очень красивой. Однако Вадим в последнее время все чаще злился. Едва она открывала рот, как вся ее красота мгновенно улетучивалась.

«А ведь красив человек не внешним», – отметил он неожиданно для себя.

Вадим стал замечать, что чем дольше не пьет и не курит, тем злее становится.

«Я был добрым и наивным, слегка выпивающим человеком, а с этой святостью стал злым и категоричным».

Он встал и потянулся.

«А может, все же взять бутылочку? – задумался снова. – Просто посидеть наедине с самим собой... Что в этом плохого?»

Вадим в очередной раз с тревогой посмотрел на часы. Преодоление себя давалось не так легко, как хотелось.

«На мосту исправления ты всегда один, – подумал он с тоской. – Даже если и удастся перейти через этот мост, вряд ли многие меня поймут и поддержат. Люди не любят тех, кто выделяется из толпы. Они вообще мало кого любят».

Виктория с ним идти не захотела. Она всем рассказывала о здоровом образе жизни, гордилась тем, что четыре года назад уже прошла по своему единственному мосту и встала, как ей казалось, на путь истинный. Тогда она приняла решение бросить курить и полностью отказаться от употребления спиртного. Мост исправления она выбрала один из самых трудных, на нем запрещалось есть мясо и рыбу, только здоровую пищу. Вот этого Вадим понять не мог и сказал ей, что будет есть всё, что пожелает. Проблем с фигурой у него не было.

По его мнению, она рано расслабилась, и основной ее мост исправления еще впереди. Он был очень трудолюбивым карьеристом и считал, что человек должен расти над собой и развиваться, трудиться не покладая рук. Его можно было назвать трудоголиком. Только спиртное давало ему возможность хоть иногда расслабиться и перестать бесконечно размышлять о работе и карьерном росте. Он неплохо зарабатывал, но всегда думал о том, как увеличить свой доход. Вика же была натуральной лентяйкой, она в отличие от Вадима совершенно не соблюдала режим, спала до обеда, ложилась под утро, играла в компью-

терные игры, больше всего на свете любила читать свежие новости и доказывать свою правоту в комментариях к ним.

О карьере она не задумывалась, считая ее стереотипом, навязанным женщинам средствами массовой информации. И к богатству тоже не стремилась. Единственное, чего она хотела, это выйти замуж и родить побольше детей. Чем их кормить и где им жить, ее не беспокоило. Вадима она ненавязчиво, но настойчиво готовила себе в мужья, то тут, то там напоминая, что между супругами не может быть секретов или что детей надо рожать как можно раньше и должно их быть минимум пятеро, а лучше больше, дети это благо. Вадим в свою очередь резонно интересовался, собирается ли она искать работу и что думает относительно своей карьеры, но эти темы она предпочитала замалчивать. Замечания Вадима о ее лени она игнорировала.

Мосты для лодырей были самыми невостребованными в этом городе, по ним не то что никто не ходил, на них даже не смотрели, предпочитая осуждать тех, кто в них и не нуждался.

* * *

Глядя на противоположный берег, Антон мечтал о том, как, оказавшись там, он наконец-то сбросит килограммов сорок – нет, лучше пятьдесят – этого безобразного лишнего веса и станет стройным и подтянутым мужчиной. А главное, когда уйдет лишний вес, каким он заделается мачо – жена будет от него просто без ума в постели. Не придется таскать на себе все это сало, пройдет одышка, и жизнь приобретет новые краски. Эх, если бы только хватило сил хоть раз дойти до конца моста, увидеть, что же там такого на той стороне, где он никогда не был.

Даже в юности он был пухляшом, культ еды в их семье был доведен до максимума. «Война войной, а обед по расписанию», – говорила мать. «Это все очень хорошо, – в свою очередь говорил отец, выслушав любые новости от сына, – но что мы будем сегодня кушать?»

«Ах, если бы можно было как-нибудь сочетать вкусную еду в больших количествах и умеренный вес», – думал он, продолжая глядеть на противоположный берег, но мысли о похудении только усиливали его аппетит.

Антон попал на мост исправления не по собственной воле, его сюда загнали стремительно ухудшавшееся здоровье. Он не курил и употреблял алкоголь только по праздникам, всем удовольствиям мира предпочитая еду. Как же он любил покушать, а если еще и вкусно, то вообще бы от тарелки не отходил.

Высокое давление довело его до того, что в последнее время он постоянно плохо себя чувствовал, периодически даже приходилось вызывать скорую помощь.

По мосту исправления он не шел, а полз.

Манящие запахи сырокопченых колбас, вкуснейших сосисок и домашних котлет не давали Антону сосредоточиться на работе. Жена посадила его на строгую диету и заставляла каждое утро делать гимнастику и гулять. Он ее очень любил, и, конечно же, она была права. Но стоило ей куда-нибудь уехать, как он, не помня себя от счастья, бежал в магазин и покупал самые вкусные и самые вредные деликатесы.

«Ну взял бы кусочек, – говорила супруга Антона, доставая по приезду килограммы мяса из холодильника. – Зачем обжираться? Возьми двести грамм и поешь, раз не получается удержаться. Ну ну-жели ты не можешь хоть немного знать меру?»

«Мяу», – виновато отвечал он, с тоской наблюдая, как она увозит его запасы детям.

А вечером ему снова становилось плохо, так плохо, что казалось, утро для него уже не наступит. В эти минуты он опять давал себе слово, что раз и навсегда перейдет на здоровую вегетарианскую пищу и больше никогда не притронется к мясу. Мост исправления рушился, как картонный домик, под его ногами, и Антон снова падал в мутные воды ледяной реки. Возвращаясь обратно домой, он мечтал о какой-нибудь волшебной таблетке, которая навсегда избавит его от лишнего веса и проблем со здоровьем.

«Ну что плохого в том, что человек любит покушать? Вкусняшки для того и придумали, чтобы радовать душу. Вот если бы еще от них не толстеть, было бы совсем отлично!» – рассуждал он.

Вот кто его понимал и всегда поддерживал, так это кошка. Она с удовольствием ела мясо и, глядя, как хозяин отводит душу, одобрительно мурчала. Умнее создания он, пожалуй, не встречал. Маруся жила в его доме более пяти лет и была своеобразным кухонным оберегом.

Только кошка понимала, как на самом деле важно живому существу вкусно и много есть. Никаких диет она не признавала и близко, и в дни экзекуций – по-другому Антон вегетарианские дни не называл – кошка категорически отказывалась от здоровой пищи без мяса. Она готова была голодать, лишь бы выпросить у хозяев себе котлетку или жареные ребрышки, ела мясо и вареное. Порой Антону казалось, что она тоже очень рада командировкам его жены и с энтузиазмом провожает ее в путь. А когда дверь закрывалась, она прыгала хозяину на руки и с особым трепетом ластилась, заглядывая в лицо. «Может, сходишь за чем-нибудь вкусненьким?» – читалось в эти моменты в ее больших круглых глазницах.

– Ты права, Марусенька, права, как никогда! – отвечал на ее немую мольбу Антон, прикидывая мысленно список покупок в ближайшем супермаркете.

«А на мост исправления пойду, когда супруга вернется», – решал он.

* * *

Анна Сергеевна шла по мосту исправления медленно, с одышкой, как ходят только пожилые люди, тупо и без всякого энтузиазма. Спешить ей было некуда, потому что она знала: этот мост для нее, скорее всего, ничем не закончится. Она никогда не придет на ту сторону. Другие – да, молодые, у них еще все впереди, не у всех, но тем не менее. Она тоже была когда-то молодой... впрочем, что уж сейчас об этом? На этот мост ее загнали врачи и в особенности младший сын, он давно уже был взрослым, но по-прежнему верил в чудо исцеления от рака. Сама Анна Сергеевна знала... точнее, чувствовала, что ее диагноз – это окончательный приговор, не подлежащий обжалованию.

Что чувствует человек, когда слышит такой диагноз? Вначале это обида: совсем не так она рассчитывала прожить свою старость. И вроде все делала правильно, никогда не нарушала ни одного закона. Всегда уступала, никому не желала зла – может, иногда, в порыве злости или обиды, но не больше, чем все. Никогда не курила, к алкоголю была равнодушна, ну, если только пригубить вина в кругу семьи по большим праздникам, о наркотиках речи вообще не шло.

Была у нее склонность к депрессиям, но разве лишь у нее? Уровень жизни населения в этом городе был таким, что многие то и дело впадали в затяжную депрессию. Вот только рак диагностировали не у всех, а у нее. И сразу все хором, словно сговорились, начали ее спасать. Дочка каждый день названивала и упавшим голосом спрашивала первым делом о самочувствии матери. Сын обошел всех известных врачей и все клиники в надежде найти чудо-средство для ее исцеления. Анне Сергеевне казалось даже, что он сошел с ума, когда с официальной медицины перешел на консультации местных целителей и знахарей. Вот уж кому доверять, по ее мнению, стоило в последнюю очередь.

«Лекарства от рака еще никто не смог найти, – говорила она сыну. – Я, конечно, буду идти по мосту исправления, насколько хватит сил, но будь готов к тому, что для меня он может и не закончиться. Тот берег, где живут исцелившиеся от этой болезни, похож на мираж. Существует ли он на самом деле да еще и в моем возрасте?»

Она знала, что исцелиться не получится. Врачи ничего не гарантировали, и хотя для живого человека надежда всегда присутствует, она уже не надеялась.

«Просто знать бы, почему это случилось именно со мной, – думала она с тоской. – Чем я так провинилась перед небесами? Вот сейчас я иду, а там, впереди, что меня ждет? Могильный холмик, вот и весь путь. Хоть бы кто-то дал точный ответ: как надо было жить?! Ну конечно, была масса ошибок, да кто же не ошибался? И да, я не была святой, но и не хуже других... Все как у всех, ничего особенного, но как почему-то нашли у меня, а не у тех, кто жил намного более раскрепощенной, чем я, жизнью».

Даже сейчас, на краю пропасти, она выполняла все рекомендации врачей, не ела ничего лишнего, пила все лекарства, не пропускала ни одной процедуры химиотерапии. Она всегда была правильной и хотела остаться такой до конца. Просто не умела по-другому.

«Конечно, не мне решать, кому жить, а кому нет, но вот этот сосед – пьяница, дебошир и бабник – здоров, как бык, и Боженька никак его не наказывает! А я ни с кем не дралась, не злоупотребляла, была верной женой своему мужу, после его смерти даже и не думала о повторном замужестве. Я всегда была правильной, никого не обманывала, не истязала, честно вырастила детей, а потом и внуков и теперь – на тебе награду на старости лет», – горько думала она.

Мост исправления – она шла по нему, никуда не спеша и не глядя на часы, каждый день теперь и каждый приезд скорой помощи мог быть последним. Наручные часы ей больше не нужны – узнав диагноз врачей, она выбросила их в холодные мутные воды горной реки...

Марк Каллас МОНОЛИТЫ ЙОНДО

Посвящается Кларку Эштону Смиту

...Крик повис в пылающем небе мертвым эхом, оставшись без ответа.

Песок этой пустыни не был похож на песок других пустынь.

Раскаленная, словно жаровня, эта местность не могла подарить путнику ни тени, ни дуновения ветерка – лишь застывший во времени воздух, лишь растрескавшиеся скалы да серый, подобный пеплу или праху, песок под гигантским угасающим солнцем.

Го-Тар озирался вокруг в отчаянной попытке вспомнить, как он здесь оказался. Один, но облаченный в доспехи и при мече. Среди песков, но с горячечной мыслью идти вперед, неведомо куда. Похоже, он уже преодолел немалый путь, однако проклятое пекло раскаляло его мозг докрасна и отнимало способность мыслить ясно.

Память подводила его, подсовывая совсем не те картины, которые он тщился найти. Роскошный столичный дворец, чарующая мелодия арфы, царица Таркис, чья красота ослепляет любого мужчину, – это последнее, что он мог вспомнить. А дальше – сплошной туман, непроглядная завеса забытья... Это было похоже на странный сон. Или на колдовской морок... Го-Тар ухватился за последнюю мысль: колдовство!

Всё началось там, в дворцовых садах, где в окружении благородных вельмож, искусных танцовщиц и непревзойденных музыкантов царица Таркис принимала посольство с рубежей своей державы.

– Таркис...

Беззвучно прошептав это имя потрескавшимися от жажды губами, Го-Тар с тоской пробудил в памяти ее чарующий образ. Горделивая осанка, блеск обсидиановой диадемы в иссиня-черных волосах, взгляд гипнотических карих глаз из-под длинных ресниц и безупречной красоты тело под драгоценными тканями царского одеяния – такую, в сопровождении своей верной свиты, явилась она прибывшим в столицу чужестранцам. Эта женщина единолично правила царством Йондо всего два года и пять месяцев, после того, как ее мужа, царя Ра-Ана, постигла смерть от неумеренного употребления фаршированных фазанов и жаркого из болотных грибов. Венценосная вдова стала самой молодой правительницей в череде многовековой династии умудренных годами владык, однако подданные искренне полюбили свою царицу и поклонялись ей, как божеству.

Но не о Таркис следовало сейчас думать, а о другом. Го-Тар заставил непослушные мысли двигаться дальше – и мрачно скрипнул зубами, вспомнив того странного незнакомца, которого увидел в дворцовом саду среди вельмож и почетных гостей владычицы. Огромного роста, багрянокожий, с огненным взором потусторонних желтых глаз. Существо из иного мира.

Как шепотом объяснила Го-Тару Таркис, которую он неотступно сопровождал во главе почетного караула, этот гигант явился с посольством от племени джиннов, переселившихся сюда с других планет вместе с упавшими на землю метеоритами. Найдя приют на границе царства, они всё чаще появлялись в центральных областях, и вот уже направили посла заявить свои права на часть земель, принадлежавших молодой царице.

От джинна веяло опасностью. Не хищной, животной опасностью смертельного броска, но каким-то неведомым страхом, словно ты вдруг оказался перед необычайно могущественным, сверхчеловеческим существом, в чьей власти твоя жизнь и смерть.

Что заставило Го-Тара подойти и заговорить с ним? Возможно, желание защитить таким способом свою царицу. А может, стремление бросить вызов потусторонней силе, с которой прославленный воин еще ни разу не сходилась в открытом противостоянии. Сейчас, бредя по серым пескам пустыни в раскаленных под палящим красным солнцем джунглях, Го-Тар не мог дать однозначного ответа на этот вопрос.

Как бы там ни было, он тогда подошел и произнес, обращаясь к чужеземцу:

– Йондо тебе не по зубам, пришелец. Наше царство не сумели завоевать ни дикие варвары юга, ни чернокнижники-жрецы львиноголового Онга, ни призванные ими демоны Нижнего Ада. Наша столица нерушимо стояла здесь от зари веков и простоит еще столько же. Никакие происки врагов не страшны этим стенам и башням. Так и передай своим нечестивым соплеменникам, колдовское отродье!

Го-Тар нарочно говорил громко и вызывающе, забыв о дворцовом этикете и неприкосновенности посла. Он хотел, чтобы его слышали все придворные, застывшие в трусливой нерешительности перед грозным чужаком. Он хотел вывести багрянокожего на чистую воду прямо на глазах у всех.

Однако джинн оказался непрост.

– Грозные речи ни к чему, воин. – Голос его был мягок и глубок, в то время как желтые глаза сузились насмешливыми звездами под ночью тонких черных бровей. – Я пришел с миром, и мира желаю для своего племени. Но до переговоров еще есть время, и сейчас я бы предложил позабавить прекрасную царицу зрелищем – чем сотрясать воздух проклятиями, лучше посостязаемся в своих умениях. Как ты смотришь на это?

– Клянусь богами, меня не придется долго уговаривать! – усмехнулся Го-Тар, скинув с плеч гвардейский плащ и хватаясь за рукоять верного скимитара.

– О нет, воин, – поцокал языком таинственный посол, подняв ладони в примирительном жесте. – Сейчас не время для боевых поединков. Предлагаю более мирное состязание. И, поверь мне, это будет кое-что поинтереснее. Если позволишь, давай-ка сыграем с тобой в загадки.

– В загадки?

– Да. Разве вы, люди, не любите посостязаться в острологии и играх разума?

Го-Тар понял: джинн был осведомлен о многом, даже о том, что при дворе Таркис заведен такой обычай – играть в загадки, выявляя мудрейших и попутно забавляя гостей на пиру искусным обращением со словами. Чего джинн не мог знать, вызывая на такой поединок воина, так это того, что Го-Тар, являясь капитаном дворцовой гвардии и заодно фаворитом и любовником царицы, неплохо владел искусством распутывания словесных узлов.

– Я загадаю тебе три загадки, – сказал джинн. – За каждую, которую осилишь, исполню одно желание. Три победы – три желания, которые я в состоянии воплотить даже силой магии! М-м, каково, воин?

– Что будет, если победишь ты? – поднял бровь Го-Тар, загораясь внутренним огнем, знакомым каждому азартному игроку, ибо посол сделал высокую ставку.

– Как я и говорил ранее, мое желание – мир для племени джиннов. Если ты ошибешься с ответом, то на переговорах я буду смиренно просить у великой царицы область ее земель, где мое племя смогло бы обрести покой и назвать это место своим домом. Чем больше неразгаданных загадок, тем больше получит племя джиннов. Идет?

Го-Тар мельком переглянулся с Таркис. Ее большие карие глаза выдавали потаенный страх, но она кивнула, доверившись своему капитану и давая позволение сделать такую ставку в игре.

– Идет, – ответил Го-Тар.

– Тогда знай, воин, что мои загадки будут в форме шуточных предсказаний. Не стоит воспринимать их как истинные пророчества, ведь это всего лишь игра. Так заведено у нас, джиннов. Однако ответы должны быть вполне известны и людям. Ну так как, ты готов?

– Готов, – выдохнул Го-Тар, чувствуя в груди знакомое покалывание, распалывшее дух соперничества.

– Тогда слушай мое первое предсказание, – объявил джинн.

Что же произошло дальше? Солнце пустыни слепило глаза и туманило разум. Но Го-Тар, продолжая идти вперед, напряг свою память,

шаря по самым темным закоулкам сознания, и вернулся мыслями в тот вечер.

Музыка в саду смолкла. Дворяне в длинных одеяниях и высоких тюрбанах, танцовщицы в наборных поясах из золотых монет, музыканты с арфами и флейтами, могучие стражи и дворцовые слуги – все замерли, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни слова необычного гостя. Царица Таркис напряглась струной в предвкушении схватки двух умов – человеческого и потустороннего, – от исхода которой ни много ни мало зависела судьба дальнейших переговоров и даже будущее ее царства. Го-Тар же был спокоен и сосредоточен, полностью обратившись в слух.

Джинн начал игру, декламируя нараспев низким голосом:

Скарედны люди, добро копят впрок,
Но непреклонен безжалостный рок.
Время наступит, и люди опять
Станут из дома припасы бросать.

Джинн выдержал паузу.

– О чем здесь сказано, воин?

Весь двор озадаченно зашептался. Люди не могли понять, как растолковать слова пришельца.

Го-Тар прикрыл глаза, подумал не дольше минуты и произнес:

– Что ж, это хорошая загадка. Твой народ уже довольно долго пробыл среди людей, и вам знаком здешний порядок вещей: время собирать урожай, и время сеять. Речь о зерне и других посевах.

Джинн поднял бровь, видимо, от изумления.

– Это верный ответ, воин. – Потусторонние глаза при этом сверкнули огнем иномирья, нехорошим огнем. – Твое желание?

Го-Тар коротко переглянулся с царицей, заметил ободряющий кивок и проговорил:

– Пусть твое племя, джинн, безо всяких дополнительных условий покинет занятые земли и не появится в Йондо еще три года.

На лице пришельца читалось явное недовольство, но он заставил себя улыбнуться и сказал:

– Да будет так, ибо таковы правила игры. Еще три года мы будем жить в пустыне...

«Жить в пустыне», – да, именно так сказал тогда посол племени джиннов.

Го-Тар шел по серому вулканическому песку, и ему хотелось хохотать как безумному, ведь в пустыне очутился он сам. Вдалеке, среди голых утесов и заносов песка, что-то показалось. Похоже на силуэты каких-то зданий или стен... Оазис? Караван-сарай? Воин прибавил шагу, на ходу вспоминая, что было дальше в тот вечер в саду.

– А теперь слушай новую загадку.
Низкий голос вновь зазвучал над затихшим садом:

Мертвые вышли из-под земли,
Многих живых они в землю свели.
Будет их больше, и время придет,
Когда истребят человеческий род.

– О чем сказано в этом пророчестве? Думай и отвечай!

Зловещие рифмы пришельца вызвали среди публики испуганный ропот. Но царица Таркис призвала придворных к спокойствию, и тогда все взгляды обратились к капитану дворцовой гвардии в надежде на его проницательность.

В этот раз Го-Тар взял на размышление больше времени. Вдумываясь в стихи, пытался на основе услышанного создать в голове образы. Наконец, нащупав нужную нить, улыбнулся и ответил джинну:

– «Мертвые вышли из-под земли»... Это железо, извлеченное из земных недр. Оно мертво, но при этом из него куют мечи и наконечники для копий, причиняющие смерть многим людям. По-моему, я раскусил твое пророчество, джинн. Речь идет о железе и войне.

– Ты снова прав! – Джинн совершенно точно был в ярости, но ловко скрывал ее под маской учтивости. – Я уже пожалел о том, что затеял игру с воителем, а не с царедворцем. Похоже, в Йондо среди солдат философов больше, чем в царском совете.

Придворные и гости разразились овациями.

– Стоит отдать должное твоему уму. И каким же будет твое второе желание?

На сей раз Го-Тар не стал переглядываться с Таркис, прислушиваясь к самому себе и своим желаниям.

– За царство Йондо я спокоен, ибо, как я уже говорил, оно несокрушимо, пришелец. Теперь я желаю лишь сил и процветания его богоравной владычице, Таркис. Так пусть же ее красота не увядает никогда!

Джинн низко поклонился.

– Слова истинного мужчины, воин! Твоя воля будет исполнена моими силами.

Лишь после этого Го-Тар оглянулся на Таркис, с удовлетворением отметил легкий румянец смущения на ее красивом царственном лице. Да, он пожелал для нее бессмертия и вечной молодости. Что же до себя... воин решил оставить это напоследок.

Пробираясь по серым пескам, Го-Тар увидел какую-то пронесшуюся мимо огромную тварь, и это на время вырвало его из воспоминаний.

Первая живая тварь, которую он встретил здесь! Белое, безволосое, яйцообразное тело величиной с туловище козы на девяти длинных, многосуставных ногах и морда без глаз, с длинным морщинистым хоботом. Это чудовище словно сбегало из кошмарного сна или видения курильщика черного лотоса. Но появление твари подало скитальцу надежду: значит, где-то рядом есть жизнь, где-то рядом есть вода.

Го-Тар едва разлепил запекшиеся губы. Жажда сводила его с ума, а сил идти становилось все меньше. Он уже готов был упасть, но, увидев живое существо, понял, что скоро найдет то, что ищет, и его мучениям придет конец.

Сделав над собой усилие, воин зашагал дальше под тяжестью нагретой металлической брони. Чтобы хоть как-то отрешиться от страданий, он вновь погрузился в воспоминания.

– Слушай последнюю загадку, воитель! – объявил джинн.

Высокие башни людских крепостей
Станут однажды лишь тенью своей.
Могучие стены больших городов
Обрушены будут во глубь своих рвов.

Предсказание звучало жутко, но гости, как и сам Го-Тар, уже начали привыкать к этой манере подачи джинновых загадок. Эта была не из простых, но капитан дворцовой стражи чувствовал, что ключик где-то под рукой...

– Я знаю ответ, чужеземец, – после продолжительных размышлений усмехнулся Го-Тар, указывая кончиком скимитара на широкий сосуд с водой, стоявший на пиршественном столе. – Вода! Рвы крепостей и укрепленных городов наполняются водой, а в них отражаются стены и башни, возвышающиеся над ними.

Джинн застыл на миг, потом шумно выдохнул. Плечи его поникли. Выдох был похож на стон.

– Я поражен, воин! – заговорил наконец посол магического племени. – Ты осилил все три загадки, на составление которых я потратил немало времени и сил. Но делать нечего, я слушаю твое третье желание. Говори, и я исполню!

Го-Тар помнил этот миг. Помнил ликование гостей в дворцовом саду, счастье на лице обожаемой им Таркис и, почему-то, смех джинна на фоне всеобщей радости обитателей царства Йондо. Он не помнил только, какое желание выбрал тогда, и что все-таки случилось после.

Но вот он здесь, в тех же доспехах, которые были на нем в тот вечер во дворце, бредет один по раскаленной пустыне, которой нет ни конца ни края.

Впрочем, один ориентир у него все же оставался: те самые силуэты вдалеке. Настоящий оазис или мираж – уже неважно. Ему больше некуда было идти, и он направился туда.

Через какое-то время – неумолимое солнце стало клониться к закату – Го-Тар вышел к берегу озера. Не помня себя от радости, он прибавил шаг, подходя к воде, но его ликование оказалось преждевременным. Линию берега покрывали соляные камни, и не оставалось сомнений, что вода в этом озере столь же горька и губительна, как и сама пустыня. Одно лишь гротескное существо с хоботом, которое он встретил по дороге, утоляло жажду на берегу. Почуввав Го-Тара, оно подняло голову, вытягивая хобот в его сторону. Го-Тар извлек из ножен клинок, сверкнувший в лучах заката, и тварь попятилась, нелепо подгибая колени.

Воин посмотрел вперед: на другом берегу явно что-то было. Какое-то скопление камней, расставленных в определенном порядке. Гробницы? Заброшенное святилище? Если озеро оказалось настоящим, то и неведомые глыбы, скорее всего, не были миражом...

Мысли Го-Тара прервал странный звук, доносившийся издалека, со стороны неведомых монолитов. Стиснув зубы, воин зашагал в обход соленого озера.

Приближаясь к этому месту, он все сильнее ощущал некое предчувствие, близость какой-то мистической тайны, от которой по спине бежали мурашки. Похоже, это все-таки святилище... Что за храм он увидит? Кем было божество, которому здесь когда-то поклонялись? Была ли это обитель Света или Тьмы? Хаоса или Порядка?

Го-Тар уже был в нескольких шагах от монолитов и пытался разобрать вырезанные на них древние письмена, полустертые временем и природой, как вдруг повторился тот звук. Теперь он раздавался ближе, хоть и звучал приглушенно. Воин услышал в нем зов о помощи, вопль отчаяния, такой, словно вопила сама душа, уносимая демонами. Это был голос женщины.

Взяв на изготовку клинок, Го-Тар в несколько тяжелых прыжков оказался у монолитов, шагнул за один из них – и очутился в круге стоявших вертикально прямоугольных глыб. В центре он увидел полузанесенное песком изваяние женщины в человеческий рост. Должно быть, древняя богиня, которой здесь поклонялись века назад.

Го-Тар был у богини за спиной, и ему захотелось увидеть ее лицо. Шаг, другой, в раскаленных за день поножах, по колено в вулканическом песке – и вот он пред ликом изваяния.

Подняв глаза, Го-Тар не удержался от вскрика, который сорвался с его опаленных пустыней губ. На него смотрела каменными глазами, тянула к нему каменные ладони Таркис – его царица Таркис, точно такая же, какой он запомнил ее тогда, в дворцовом саду. Прекрасная,

утонченная – каменная. Неведомый скульптор поймал каждую деталь облика женщины, запечатлев ее в движении, словно живую.

Тут повторился жалобный вопль, и Го-Тар готов был поклясться, что звук исходит от самого камня.

Не выдержав горестного отчаяния, воин упал на колени, вонзив свой скимитар в песок. Положил окованные железом руки на забрало шлема, пытаясь закрыться от страшной правды, с которой столкнулся лицом к лицу.

С леденящим ужасом Го-Тар вдруг осознал: он видит перед собой собственные сбывшиеся желания – те, что были выиграны у джинна. Искривленные, уродливо вывернутые наизнанку, но – сбывшиеся.

Го-Тар пожелал, и джинн согласился, чтобы их племя осталось жить в пустыне, но теперь в пустыню превратилось всё царство Йондо, и поставленное условие не имело смысла.

Воин взвывает, чтобы красота царицы не увядала никогда – и вот, посреди занесенных песками монолитов, на месте прежнего дворца стоит прекрасная статуя, бывшая когда-то живой царицей Таркис.

А что до последнего, невысказанного желания... Го-Тар судорожно схватился правой рукой в латной перчатке за левую. С силой рванул. Левая перчатка – прекрасная работа мастеров Йондо из кожи и стальных пластин – поддалась, отделившись от кольчужного рукава, обнажая... пустоту!

Воин взвывает, будто волк, понимая, что в действительности произошло. Проклятый джинн даровал ему бессмертие, настоящее и в то же время дьявольски искаженное. Теперь он – бесплотный дух. Призрак пустыни, обреченный вечно скитаться по раскаленным пескам, вспоминая былое величие несокрушимого царства Йондо. Призрачный правитель погребенного под вековыми песками царства...

Вот какую игру на самом деле вел с ним джинн! Каждое желание Го-Тара он обращал во зло, а предсказания-загадки оказались настоящими пророчествами: ведь действительно погибли все урожаи, действительно вымерло человечество, а города – великие города, такие, как блистательная столица Йондо – ушли под землю, превратившись в могилы или полуразрушенные святилища среди пустынь.

– Проклятье, джинн! – не выдержав, закричал Го-Тар в пустоту. – Ты победил. Несокрушимое царство Йондо обратилось в прах. Теперь оно – пустыня, на многие лиги вокруг. Этого ты добивался, да? Этого?! Где ты, джинн?! Где ты прячешься, колдовская тварь?! Отзовись!!!

... Крик повис в пылающем небе мертвым эхом, оставшись без ответа.

Песок этой пустыни не был похож на песок других пустынь.

Ребекка Попова ТАНГО В САМОЛЕТЕ

Я шел по улицам города и ощущал его дыхание. Считывал торопливые бессознательные движения, которыми люди распахивали прозрачные вертящиеся двери, озабоченно раскрывали зонтики и прижимали к ушам телефоны. Шум проносившихся машин, обрывки смеха и телефонных разговоров, полифония мелодий, вырывавшихся из музыкальных ларьков, сплетались в единый непрерывный фон – живой голос улицы.

Ветер трепал зонтики уличных кафе. Посетители, вознамерившиеся купить немного счастливых мгновений, вжимались в пластиковые стулья и крепче обхватывали пластиковые стаканы.

Я шел по оживленному проспекту. Тут и там высились цилиндры зданий, испещренные рекламными вывесками.

О деньгах я не беспокоился – их было предостаточно.

Близилось время обеда. В первом попавшемся бистро я заказал кофе и разложил на столике газету. Меня мало интересовали новости, но чашка кофе рядом с газетой смотрелась особенно хорошо. Я воображал себя свободным художником с Монмартра.

...Порою нас охватывает предчувствие, что вот-вот что-то произойдет. Нечто подобное испытал тогда и я. Мне вдруг захотелось посмотреть, кто по иронии судьбы оказался сейчас в бистро рядом со мной... К примеру, я всегда думал, что судьба не случайно сводит пассажиров метро в неурочный час: если немного покопаться, то между ними обнаружится некая связь... Иными словами, я инстинктивно принялся разглядывать посетителей.

Влюбленные девушка и юноша, потупив взоры, грустно сидели за столиком друг против друга, не шелохнувшись, словно их вот-вот разлучат навеки. Двое юношей, предвкушая удовольствие от еды, накладывали себе в тарелки всякую всячину из салат-бара, проявляя недюжинный аппетит...

Неожиданно одно женское лицо показалось мне смутно знакомым. Я словно когда-то уже видел эти черты, мало того – я их внимательно рассматривал, пытаясь запечатлеть в памяти. Мне запомнилось это выражение лица – напускная разочарованность и мечтательная усмешка.

Наши взгляды встретились. Она немедленно отвела глаза, как полагается реагировать девушке в таких случаях... Но мы оба знали: по

непреложному закону судьбы мы будем вместе. Я бы не удивился, если бы и она призналась мне, что уже где-то видела мое лицо.

Мы познакомились. Вскоре я понял, что она ищет со мной близости.

Она работала лаборанткой в одной из фирм неподалеку. Ее контора занималась разработкой технологий производства пластмассы.

Позже я узнал, что в бистро заходили обедать служащие фирм, офисы которых располагались в близлежащих высотках. И потому, если бы я поставил целью познакомиться с кем-то из местных клерков, то это проще всего было сделать как раз здесь, в бистро, в обеденный перерыв.

А дальше... Я полностью растворился в городе: часами сидел на подоконнике, курил и смотрел на мельтешивших по проспекту людей. Когда наступал вечер, шел встречаться с нею.

Все это время мне не приходило в голову позвонить или написать кому-либо из моей прошлой жизни.

Иногда у меня в мозгу ритмично мигающей на экране надписью всплывало имя «Хуан». Хуан – мой давний знакомый и коллега. Я вспоминал посиделки с ним в каком-нибудь баре, возможно – в совсем другой части земного шара. Именно там у меня есть жилище, как две капли воды похожее на этот гостиничный номер, но называемое домом.

Я вспоминал дружеские излияния за бутылкой пива, рассказывание друг другу историй из своей жизни вперемешку с историями вычитанными, где-то подсмотренными или услышанными... Или нет: скорее историй настолько невероятных, что они могли произойти только в жизни.

Я с удовольствием часами просиживал перед телевизором в гостиничном номере, удивляясь хитросплетениям сюжетов и собираясь пересказать их Хуану. Раньше у меня никогда не хватало на это времени.

Когда она спросила, как мое имя, я не нашел ничего лучше, как пробормотать в ответ: «Хуан». Позже мне доставляло неизъяснимое удовольствие слышать от нее мелодию этого имени. В нем таинственным образом была зашифрована тайна, неизвестная даже мне самому.

Поначалу она обеспокоенно спрашивала, чем я занимаюсь целыми днями, пока мы с ней не видимся. Я не мог признаться ей в ничегонеделании. Объяснение, что у меня и так достаточно денег, чтобы прожить какое-то время в городе, показалось бы ей неправдоподобным. Поэтому я выдумал, что постоянно и безуспешно ищу работу.

Она была фанатично предана делу своей лаборатории. Вследствие этого у нее развилась болезненная склонность отыскивать вокруг

пластмассовые изделия. Она искренне любовалась послушными изгибами пластмассы. Если какое-то изделие при ближайшем рассмотрении оказывалось не пластмассовым, она делалась раздражительной. Ее разочаровывала как собственная ошибка, так и недалечность производителей, выбравших не самое выигрышное технологическое решение. Она гордилась, что пластмассы, которые они изготавливают, не относятся к опасным полимерам и не канцерогенны.

С головы до ног она стремилась облачиться в пластмассу: в волосах красовались пластмассовые заколки, солнцезащитные очки прочно заняли место на затылке. Строгая офисная юбка поддерживалась пластиковым ремнем вместо обычного кожаного. Пластмассовыми были и пряжки на тупоносых туфлях.

История возникновения пластмасс была изучена ею досконально. Мы подсмеивались над явно вымышленным эпизодом: якобы производители бильярдных шаров обратились к химикам с призывом разработать новый материал на замену слоновой кости. Без сомнения, эта эффектная подробность была придумана позже, чтобы заинтересовать апатичных студентов химических колледжей.

Мы придумали с ней особую «пластмассовую игру»: по очереди называть предметы, изготовленные из пластика. Затем мы немного изменили правила и принялись включать в игру предметы, которые стоило бы изготавливать из полимеров, но человечество до этого почему-то еще не додумалось.

Она с удовольствием согласилась не использовать презервативы. К латексной резине она испытывала предубеждение, считая этот материал неоправданно более популярным, чем, например, так любимый ею прозрачный полиэтилен.

У нее была привычка словно невзначай проводить рукой по гладкой поверхности какого-либо аксессуара из пластмассы. При этом она мечтательно щурила глаза. Она проделывала это непроизвольно и очень стеснялась, если замечала, что ее инстинктивное движение не укрылось от посторонних глаз.

Задумавшись впоследствии об этой особенности, я решил, что она подсознательно считала пластмассу очень эротичным материалом. Недаром, воспевая женщину своей мечты, мужчина частенько с вожделением упоминает о гладкой коже избранницы. Своего апогея гладкокожесть достигает в надувных куклах, думал я поначалу с усмешкой, а затем и с раздражением.

Как-то раз в минуту откровенности она рассказала мне о своих амурных делах. Она сидела тогда в моем гостиничном номере на двуспальной кровати, застеленной пледом, и поигрывала ножкой винного бокала. Ее волосы казались рыжими в лучах заходящего солнца. Не могу с уверенностью пересказать суть ее рассказа... Вроде бы у

нее был какой-то парень, разрыв с которым она тяжело пережила. Или, наоборот, она тщательно избегала каких-либо привязанностей и всегда сама пыталась оборвать их в высшей точке. В общем, это был какой-то очень откровенный рассказ, трогательный для нас обоих и свидетельствовавший о том, насколько она мне доверяет.

Еще раньше, до этого разговора, я нередко замечал у нее скужающее выражение, чего она неимоверно стеснялась. В моем присутствии скука пожирала ее, лишая всякой возможности радоваться жизни. Исключение составляли только минуты нашей близости, которые она чрезвычайно ценила. В целом для нее было намного комфортнее находиться в одиночестве, нежели со мною вместе. Прощаясь, я успевал заметить в ней тайное ликование, вызванное моим уходом.

Она вознамерилась победить обстоятельства и объявила войну скуке. Свидания назначались в самых необычных местах: на рельсах в ожидании поезда, в музейных залах под покровом ночи и в прочих хрестоматийных местах рискованного секса из учебника для влюбленных. Раскованность ее воображения в вопросе географии наших встреч порой заставляла меня усомниться, что в следующий раз я окажусь на высоте; но потом выяснилось, что я и сам люблю разнообразие антуража.

Один раз я шуточно упомянул при ней о статье на пластмассовую тему, попавшей мне в глаза в газетной колонке. «Скоро для производства пластмассы можно будет использовать не нефть... а, к примеру, апельсины», – рассказывал я, внимательно следя за выражением ее лица. Экстравагантная идея насмешила ее, не вызвав особых эмоций.

И все же наши отношения не стояли на месте. Все чаще меня охватывало беспокойство. Я не решался признаться себе, что моя всегдашняя безмятежность переходит в какое-то новое качество. Словно я должен был что-то совершить, а затем покинуть город.

И вот пришел день, когда я почувствовал, что какая-то сила принуждает меня уехать. Подобно океанской волне, она властно выталкивала меня за пределы мегаполиса.

Наверное, мне хотелось забрать ее с собой в мою... Апельсиновую страну. Но это казалось неосуществимым.

Слова «Апельсиновая страна» возникли у меня в голове случайно, хоть в них чудилось что-то смутно знакомое. Я повторял их про себя, пробуя на вкус. А увидев в аэропорту это название в списке возможных пунктов назначения, испытал настоящий восторг. Словно получил ответ на какой-то важный вопрос и понял, что иду по правильному пути.

С видеозэкрана неподалеку звучали апокалипсические нотки. Зрителям в очередной раз внушали, что мир разваливается и никогда

больше не будет прежним, а мое сердце тем временем замирало в предвкушении перемен и освоения нового пространства. Краем глаза я тут и там наткнулся на абрис самолета – логотип знаменитой авиакомпании, и мое существо наполнялось довольством.

Город прощально мелькнул игрушечными домиками на топографической карте в иллюминаторе.

Я подумал о моей покинутой возлюбленной.

Конечно, она не противилась нашим встречам. И огорчилась бы, если бы я вдруг исчез из ее жизни. В то же время я никогда не мог занять ее мысли. Иногда мне казалось, что в моменты нашей близости перед ее глазами слайдами проносятся схемы производства пластмассы. С другой стороны, я тешил себя надеждой, что она намеренно преуменьшает силу своего влечения – обычная женская уловка, дабы привязать мужчину.

Она рассказывала мне, как она одинока. Но я не слышал ее слов, а может – не верил им или не хотел верить. «Она любит только пластмассу», – твердил я себе.

«Почему я здесь, в самолете? – спросил себя я. – Неужели я привнес ее к пластмассе? И потому счел за лучшее ретироваться?»

Откинувшись на спинку кресла, я смежил веки. И, миновав несвязные и абсурдные перемещения во времени и пространстве, лишенные всякой логики с точки зрения бодрствующего, обнаружил себя за столиком бара напротив Хуана. Само собой, все происходило в Апельсиновой республике.

– Хочешь, я расскажу тебе, как все произошло в ту ночь? – говорил Хуан, лукаво прищуривая нагловатые глазки... Хуан стремился походить на героев кинематографа. Все время, пока он не был занят на заданиях, Хуан посвящал просмотру фильмов. Особенно его интересовали фильмы про агентов в тылу врага.

Я растерялся. Получалось, что Хуан знает обо мне гораздо больше, чем я сам. Хотя следовало уже привыкнуть к этому. Иногда мне казалось, что Хуан – это какая-то часть меня самого. Возможно, эта моя ипостась была слишком цинична и начисто лишена романтических иллюзий.

Хуан вознамерился вернуть меня в какую-то точку прошлого.

– Погляди-ка! – Он вынул из кармана мешковатой рубахи контейнер, по форме напоминавший пробирку, и положил его на столик.

– Что это? – Я хотел прикоснуться к предмету, но рука прошла сквозь него.

Вспомнилось: в пробирке содержался катализатор распада пластмассы. Для пластмассы такая штукавина равносильна смертоносному вирусу. После использования я утилизировал этот контейнер согласно инструкции. Так что нынче я смотрел не иначе как на голограмму.

Я по-прежнему сидел в салоне самолета. Изображение на мониторе, вмонтированном в кресло впереди сидящего пассажира, дрогнуло, затем разгладилось.

– Гляди в монитор! – скомандовал Хуан откуда-то из моего мозга.

Мужчина за дикторским столиком взволнованно потчевал зрителей порцией мрачных предзнаменований... Видит бог, я всегда был далек от политики – предпочитал вымышленную реальность фильмов.

Рассказ диктора сменился видеорядом с надписью: «Без комментариев». На улицах, в офисах, в магазинах взрывались пластмассовые изделия, это сопровождалось женским визгом и паникой.

...Вспомнилось: она сидит передо мной на столе. Слабый свет выхватывает из темноты очертания ее тела. Недостающие линии дорисовываю с помощью прикосновений. Ночью здесь переходят на режим экономии электроэнергии. Сердце бешено колотится...

– Знаешь, где мы сейчас находимся? – шепчет она.

Словно забытый сон, вспоминаю, как несколько минут назад мы пробирались сюда по подземным коллекторам. Как всегда в наших вылазках, она взяла на себя роль проводника... Это осталось где-то далеко: сейчас для меня существует только она...

– Мы в том самом месте, где я работаю. – Чувствую, что она кокетливо улыбается в темноте. – Днем я хожу тут в белом халате и шапочке, как у поваренка.

Активизируется доселе незадействованный участок мозга... Мы уже побывали с ней во множестве точек на карте города, но только сейчас проникли в лабораторию «Империи пластмассы» – так называется ее фирма. Это колыбель производства пластмасс и святая святых пластмассового мира.

План этого здания я знаю досконально. Если разбудить меня среди ночи, нарисую его с закрытыми глазами, не нарушив пропорций между объектами.

Неподалеку находятся литьевые машины для производства пластмассы. Я получил задание впрыснуть в одну из них катализатор распада из контейнера. По расчетам наших ученых, в пластмассовой среде молекулы этого вещества начнут самовоспроизводиться, попутно разлагая пластмассу. Таким образом, разрушительный эффект для мира нефтяного пластика будет максимальный.

В Апельсиновой республике никогда не добывали нефть, зато апельсиновых деревьев росло достаточно.

Гибель «Империи пластмассы» означала символическую победу апельсинов над нефтью, ведь апельсиновая пластмасса неуязвима для катализатора распада. Пластмасса из апельсинов вытеснит нефтяную пластмассу.

Сейчас, в салоне самолета, эти мысли не принесли мне ни капли радости или удовлетворения. Я никогда не был идейным противником

синтетических неразлагаемых пластмасс... Скорее я расстроился и тщетно пытался разобраться в нахлынувших на меня чувствах.

Допотопный экран плавился на глазах, стекая черной массой на ковровое покрытие. Смертоносный вирус уже здесь, понял я. Каким-то образом он проник на борт самолета.

Пассажиры хором ахнули: разом лопнули пластиковые чашки с горячими напитками на раскладных столиках. Бурые капли брызнули на отутюженную одежду и на радостные предчувствия.

Шатаюсь, я шел к комнате для курения. Самолет качало больше обыкновенного. Я пытался ухватиться за поручни, но они плавились под моим взглядом – настолько меня увлекла идея исчезновения пластмассы. Вместо зажигалки наткнулся в кармане на вязкий тягучий сгусток.

Вероятнее всего, мои мысли управляли реальностью. Сила моих эмоций заставляла пространство вибрировать. Самолет резко терял высоту.

В реальности этого происходить не могло. Иначе давно бы уже прозвучали слова командира экипажа: «Самолет испытывает небольшие технические проблемы, но в целом ситуация под контролем».

А потом... Я представил пластмассовые детали в кабине пилота. «Сколько же еще пластика в теле самолета?» – подумал я.

...Мы танцуем в пластмассовом мире. Я на удивление ловко веду свою партнершу – мы разбегаемся в разные стороны, вытянув скрепленные руки; затем наши руки закручиваются, и она на миг прижимается ко мне спиной.

Я всегда звал ее пойти куда-нибудь потанцевать, хотя никогда не умел этого делать. Она вечно отказывалась, недоумевая, зачем это.

И вот сейчас я увидел совершенно четко: мы танцуем с ней на фоне ожившей рекламы пластмассовых изделий, вдруг сделавшейся объемной.

Марк Вишневецкий КОРАБЛЬ

Погода была просто мерзкая. Ветер с дождем, и обязательно встречный, в какую сторону ни пойдешь. Но идти было надо – дом, где она жила, сгорел. Точнее, его сожгли. В городе свирепствовала чума, и сброд из низов бесчинствовал, сжигая, грабя и насилая. Власти, как всегда, бездействовали. Она осталась одна, чудом спасшись от пожара и безумной толпы.

Хотя нет, уже не одна. Она чувствовала, как внутри нее растет новая жизнь, и это придавало ей силы.

С большим трудом и риском для жизни она добралась до порта. Только один корабль стоял на погрузке, но ей все-таки удалось незамеченной проскользнуть по сходням и пробраться в трюм. Забившись в самый дальний уголок, куда не могли добраться даже голодные корабельные крысы, она провалилась в забвение. Сколько длилось плавание, она не могла сказать. Постоянная качка, сырость, холод и голод сопровождали ее на протяжении всего пути. Она все время находилась в полубессознательном состоянии, и, возможно, это сберегло ей силы и спасло в итоге жизнь. Ей и ее потомству.

Во всяком случае, когда качка прекратилась, она, нетвердо ступая, смогла спуститься с корабля и с восторгом увидела, что вокруг расстилается чудесная плодородная земля. Девственная природа и никаких следов цивилизации.

«Спасена», – подумала она, направляясь к ближайшему лагерю индейцев.

Так тараканы открыли Америку.

– Дедушка, а что такое Америка? – спросил маленький гном, закрывая потрепанный том детской энциклопедии.

Старый гном вздрогнул:

– А ты откуда знаешь про Америку? А ну, марш спать, делать уроки и мыть руки! И меньше болтай об этом!

Маленький Хреногорчик не знал причины неожиданного раздражения дедушки и отреагировал, как любой здоровый гномий ребенок.

Для начала, пока дедушка пил успокаивающие капли, он подсыпал порох в его курительную трубку. Потом подложил в дедушкино кресло яйцо варана и со словами: «Хорошо, дедушка, как скажешь» вышел из комнаты в кухню. Притворив дверь, он вылил у порога бутылку масла, посыпал масляную жижу мукой и сахаром и, довольно почесывая бо-роду, побежал на улицу играть с друзьями.

«Неужели об этом уже знают? – думал в это время дедушка. – Да, наверно, знают и говорят уже по всей деревне. Иначе откуда этот сорванец слышал бы про Америку?»

А дело было в том, что семейство Бримханцхерценов тайно готовилось к эмиграции. Уже четыре поколения они готовились и все никак не могли приступить. То одно мешало, то другое. Никто, правда, не знал, как туда добраться, но это как раз было неважно. Главное, что у Ханцбримхерценов была цель!

Первую весть про Америку принес прапрадед Хергор Хербримханцен. В каких-то старых хрониках он прочитал про великую страну, в которой было возможно всё. Про золотые самородки и драгоценные камни, в изобилии лежащие там и сям. Про молочные реки и кисельные берега. Там же он прочитал, что, возможно, гномы пришли в Элинор именно оттуда. И были потомками одичавших викингов, приплывших туда на своих кораблях и заблудившихся в горах после победы над врагами. Точнее, заблудившихся в горах после пира в честь победы над врагами. Точнее, заблудившихся после того, как они отошли отливать во время пира после победы над врагами после того, как они приплыли в Америку на своих кораблях.

Это-то и потрясло Хергора:

«Какая же огромная должна быть Америка, если в ней можно заблудиться, отойдя отливать во время пира в честь победы над врагами, приплыв туда на своих кораблях...»

И Хергор начал строить корабль. Все делалось в глубокой тайне. Распустив слухи, что увлекся рыбалкой, Хергор начал заготавливать бревна для кормы. Он успел заготовить только восемь бревен, когда внезапно обрушилась шахта. Там он и остался с девятым бревном. Опорные столбы в шахтах всегда были из хорошего дерева.

Прадед Опанас Хергорович считал, что бревна неправильно заготавливались. Сначала нужно было заготавливать бревна для палубы. Поэтому он расчистил строительную площадку от ненужных бревен для кормы и начал заготавливать правильные бревна для палубы. В это время как раз велось строительство новой заставы, но там бревен не было. Для строительства использовались доски. Поэтому Опанас продал дом и заплатил магу Крохобору, чтобы тот научил его магии слияния. При помощи этой магии можно было доски превращать в бревна. Десять досок в одно бревно. Потом из правильных бревен можно было уже делать доски для палубы. По три доски из каждого правильного бревна. Правда, к тому времени, когда Опанас освоил магию, строительство заставы уже закончилось, и доски нужно было покупать. Денег не было, поэтому пришлось еще раз продать дом. Вторым раз тот же самый дом продавать было труднее.

Строительство палубы было почти закончено, когда в деревню в первый раз приехал торговец Яр Марко. К тому времени дед Хре-

ногорчика стал взрослым гномом. Именно он узнал, что у Яра Марко можно выиграть в лотерею Зеленую карту. А эта карта очень нужна была в Америке. Без нее в Америку просто не пускали. Дед Хреногорчика считал, что нет смысла строить корабль, пока не будет Зеленой карты. Ему удалось еще три раза продать дом и купить много лотерейных билетов. Но удачи не было. Он выиграл много подарков и ни одной Зеленой карты.

Палуба была почти достроена, когда к делу подключился отец Хреногорчика. Он открыл лавку, в которой продавал выигранные дедом подарки. На вырученные деньги он планировал купить готовый корабль. Если не хватит, то продать дом и уплыть наконец-то в Америку. Для начала он продал ненужную уже палубу и купил сейф, в который планировал складывать деньги на корабль.

Дед очень переживал по этому поводу. Он видел, что сейф маленький и на корабль его не хватит.

«Вся надежда на Хреногорчика», – подумал дедушка, садясь в свое кресло.

Раздался звук раздавленного яйца варана.

«Похоже на звук раздавленного яйца варана, – подумал дедушка, – да и запах...»

С криком «Ах ты, паршивец» дед выбежал в кухню, поскользнулся на пролитом масле и упал в сахарно-мучную смесь. Встать не получалось. Дед с трудом пополз до своего кресла, забрался в него, потянулся за трубкой...

Да, вся надежда на Хреногорчика теперь...

Алексей Корепанов ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ

Из всех возможных решений выбирай самое доброе.

А. и Б. Стругацкие, «Волны гасят ветер»

1

– Был у дочки в гостях, на Черном море, и ночью она потянула меня на пляж, – сказал Стефан Риндер, отведя взгляд от экрана внешнего обзора. Его широкое, с выступающими скулами и массивным носом лицо походило на маску. – Представляешь, темнота, безлуние... Только звезды, вот такие, натурально. – Он потряс поднятой рукой, сжатой в кулак, и повел подбородком на экран. – Не то что здесь, гораздо крупней. Прямо какие-то сочные! И вот сидим мы на песке, поцеживаем сладкий белый мускат, и я думаю: а ведь это же здорово – ходить ночью к морю... и днем ходить... и в горы забираться... И вообще... Да-а... – Он замолчал и, откинувшись на спинку кресла, скрестил руки на груди.

Голубоглазый плечистый бортинженер Лаэрт Палмквист тоже молчал, пощипывая курчавую рыжую бородку. О прелестях такой жизни он уже слышал незадолго до вылета, когда сидел с командиром за бутылкой очень хорошего и весьма крепкого напитка. И если Риндер вновь заговорил об этих прелестях, то, видимо, всерьез намеревался распрощаться со своим командирским креслом. Такое решение не стало бы неожиданностью – Риндер много лет добросовестно трудился на корпорацию и уже мог позволить себе отдыхать всю оставшуюся жизнь. Палмквисту не хотелось бы расставаться с ним – за тысячи часов, проведенных вместе на борту балкера, они сработались и привыкли друг к другу. Однако он понимал, что тут ничего нельзя поделать. Риндер был вдвое старше Палмквиста, и бортинженеру предстояло совершать полеты из Солнечной системы до иных звезд и обратно уже с новым командиром.

Если, конечно, он не сменит место работы.

Но такого намерения у Палмквиста не было. Вряд ли для него найдется что-нибудь лучше этой мощной корпорации, издавна носившей имя одного из ее основателей Ричарда Тиссера. Корпорация Тиссера занималась добычей и переработкой полезных ископаемых на десятках планет Нового Союза и обеспечивала своим сотрудникам очень приличное качество жизни. Располагалась она на терраформированном Марсе, от которого и отправился в очередной рейс грузовоз с регистрационным номером КТ009. Риндер и Палмквист называли своей

корабль по-иному: «Ворчун» – из-за характерных звуков, которыми отвечал его корпус на включение темпорального двигателя.

Вообще, людям свойственно давать неофициальные имена объектам, с которыми часто приходится иметь дело. Поэтому один из многочисленных желтых карликов, занесенных во Всеобщий каталог, нарекли в корпорации Тарелкой. А вторую от него планету называли не номером из того же каталога, а Кортисом. Потому что открытую лицензию на производство работ на ней получила корпорация Тиссера.

Для колонизации Кортис не подходил – хотя он и обладал атмосферой, однако эта смесь газов была непригодна для дыхания. Данное обстоятельство сыграло на руку корпорации – иначе добиться лицензии было бы гораздо сложнее, а то и вовсе невозможно. А так о Кортисе мало кто знал, и деятельность корпорации на этой планете не привлекала всеобщего внимания. Во всяком случае, руководство очень надеялось именно на такое положение вещей. Потому что там был обнаружен минерал, не встречавшийся на тех планетах, до которых уже сумели добраться изыскатели разных предприятий Нового Союза.

Тиссерит – так называли новый минерал – залегал на большой глубине и представлял собой мелкие кристаллы, вкрапленные в толщу горных пород. Для его добычи потребовалось соорудить на Кортисе полностью роботизированный подземный комплекс, вложив в это дело немалые средства. Но игра стоила свеч, хотя корпорация никогда не выставляла тиссерит на продажу. Миную все рынки сбыта, партии уникального минерала поступали в распоряжение союзного правительства. Насколько щедро они оплачивались, можно было судить по увеличению доходов работников корпорации Тиссера.

Бортинженер одного из десятков принадлежавших корпорации сухогрузов Лаэрт Палмквист, так же, как и командир Стефан Риндер, не был в числе тех, кто знал, чем ценен тиссерит и где и каким образом используют этот минерал. Но значимость тиссерита не вызывала у него сомнений не только в связи с систематическими прибавками к зарплате, начало которым было положено именно после ввода в эксплуатацию добывающего комплекса на Кортисе. Палмквиста, как и других, уведомили о том, что руководство рекомендует не распространяться о тиссерите за пределами корпорации, и он понимал, что это не просто совет, а приказ, за нарушение которого можно лишиться работы. Кроме того, доставка тиссерита с Кортиса осуществлялась с особыми мерами предосторожности, не применявшимися при полетах на другие объекты корпорации. Уходившие в такой рейс грузовозы снабжали защитой от возможного нападения пиратов, и к экипажу из двух человек – командира и бортинженера – добавлялся оператор боевой системы. Чаще всего с Риндером и Палмквистом летал бритоголовый смуглый крепыш Хелькиндис Оттовордемген. Было ему за

тридцать, и он то и дело что-нибудь жевал. Чтобы не сломать язык, его называли коротко: Хель. Или просто Стрелок. Всем троицким флайтерам выдавали ручное оружие – излучатели Аураникса, «изауры».

Путь от орбитальной транспортной базы возле Марса до Кортиса занимал чуть больше сорока стандартных часов. Основная часть этого времени тратилась на два действия: выход балкера за пределы Солнечной системы (этот выход производился перпендикулярно плоскости эклиптики) и вход в систему Тарелки с финишем на Кортисе. Запускать темпоральный двигатель вблизи планет категорически запрещалось, поскольку возмущения, создаваемые им в континууме, могли иметь катастрофические последствия. Сам же межзвездный перелет происходил очень быстро – корабль окутывался оболочкой темпорального поля, энергия времени, излучаемая звездами, вступала во взаимодействие с пространством и с огромной скоростью пожирала его.

– И все-таки пока плохо представляю себе, как я буду без этого, натурально. – Командир снова кивнул на экран. – Одно дело – в отпуск, а другое – насовсем...

Палмквист опять промолчал. Он не собирался ничего советовать командиру – это был тот случай, когда человек должен сам определять вектор своей дальнейшей жизни.

Балкер уже вышел из темпорального режима и теперь гасил скорость, приближаясь к системе Тарелки. Система насчитывала семь планет, но практический интерес представлял только Кортис. Да, ни о какой колонизации этой сходной по размерам и массе с Землей планеты и речи не шло, но люди там все-таки были. Четверо специалистов-контролеров проводили на построенной возле подземного комплекса станции половину стандартного года, а потом их сменяла другая четверка. Когда количество добытого тиссерита достигало необходимой величины, начальник смены сообщал об этом на Марс, и за грузом отправляли тот или иной балкер корпорации. Перед стартом на станцию посылали соответствующее уведомление, и начальник смены подтверждал его получение – таков был порядок.

В этот рейс выпало идти «Ворчуну».

Казалось бы, ничего нового, обычное дело, но в этот раз сложилась иная ситуация: в корпорации не получили подтверждения от начальника смены Михаила Орехова. Тахионная связь, даже при передаче самого короткого сообщения, требовала огромных затрат энергии. Тем не менее, пока «Ворчун» на вспомогательных двигателях уходил за пределы Солнечной системы, из корпорации было отправлено на Кортис еще одно уведомление. И вновь станция не ответила.

После этого руководитель секретного отдела корпорации Давор Байде вышел на радиосвязь с командиром «Ворчуна» и поставил того в известность о возникшей проблеме. Скорее всего, сказал Байде,

причиной молчания станции является неисправность передатчика, но возможны и другие варианты, так что после финиша следует быть на чеку, все выяснить и действовать по обстоятельствам. Не исключено, добавил Байде, что кто-то совершил налет с целью завладения тиссеритом, приготовленным к отправке. Возможно – пираты, хотя полем их деятельности всегда было космическое пространство, а не планеты. Возможно – конкуренты.

Стефан Риндер поделился информацией Байде с Палмквистом и Стрелком, и в ходе обсуждения возникли новые предположения о том, почему Михаил Орехов не вышел на связь. Может быть, станция потеряла герметичность, и персонал отравился ядовитыми газами, содержащимися в атмосфере Кортиса. Может быть, все четверо контролеров стали жертвами болезнетворных микроорганизмов. Или погибли при землетрясении. А еще виновником мог оказаться метеорит. Не менее фантастичной была версия, выдвинутая Стрелком: мол, Орехов почему-то привел в действие систему самоуничтожения подземного комплекса, и мощнейший взрыв в клочья разнес все вокруг, включая и контролеров.

В общем, поработали мозгами на славу. И хотя сошлись на том, что наиболее правдоподобно выглядит первое объяснение Давора Байде, однако морально готовили себя к любым неожиданностям.

Скорость балкера упала, но все еще оставалась огромной. Огненное пятно Тарелки уползло к нижнему краю экрана.

– А возьмем прежние времена, – в очередной раз подал голос Риндер. – Теснились на одной-единственной планете, никуда не летали, на звезды только смотрели... Привязанные, прикованные... Неспособные устремиться в небо...

– Можно подумать, сейчас все стремятся, – заметил Палмквист. – Им и внизу хорошо.

– Согласен, – кивнул Риндер. – Но у них есть такая возможность, понимаешь?

– Понимаю.

Палмквист наконец сообразил, зачем командир заводит все эти разговоры. Таким образом он старался снять напряжение, возникшее после того, как темпоральное поле вокруг балкера исчезло, и бортинженер смог отправить на станцию радиозапрос. Если не случилось ничего трагического, станция обязательно должна отозваться – вряд ли там один за другим вышли из строя и передатчик дальсвязи, и радиооборудование.

– Да, внизу хорошо, – продолжал Риндер. – Особенно у Черного моря, натурально. Я ведь тоже не сразу полез в небеса, работал себе спокойно на Земле. И вообще, везде по-своему хорошо... пока не случается ничего плохого. – Он покосился на вмонтированный в пульт

управления кругляш динамика. Оттуда по-прежнему не доносилось ни звука.

– С этим не поспоришь, Стеф, – отстраненно произнес Палмквист, тоже глядя на динамик.

...Тягучие минуты сменяли друг друга, а станция продолжала молчать. И это молчание отнюдь не было золотом.

Неяркий шарик Кортиса прочно обосновался в центре экрана, застряв в координатной сетке, и постепенно увеличивался. Вспомогательные двигатели все так же работали на торможение, создавая условия для перехода корабля на околопланетную орбиту. Хелькиндис Оттовордемген уже не дремал в своей каюте, а находился рядом с командиром и бортинженером. Никто больше не строил никаких предположений, и в рубке висела тяжелая тишина. Все понимали, что с персоналом станции что-то произошло. Ни Риндеру, ни Палмквисту, ни Стрелку еще не приходилось бывать в подобном положении, и они просто не могли не волноваться.

Палмквист старался, но никак не мог развеять мельтешившие перед глазами картинки из разных фильмов, где всякие инопланетные чудовища нападали на колонистов, пожирали их и вдребезги разносили поселения пришельцев. На Кортисе не было выявлено никаких живых существ, но как знать, как знать... Ведь никто досконально эту планету не исследовал – руководство корпорации Тиссера сочло нецелесообразным тратить средства на такое дело. А местные твари прятались до поры и наблюдали, а потом пошли штурмом на станцию и расправились с людьми...

Наконец кровавые картинки исчезли, потому что бортинженер переключил все внимание на обеспечение посадки балкера в нужном месте. Это было не самой легкой задачей, поскольку маяк, установленный на взлетно-посадочной площадке в километре с лишним от станции, никак не реагировал на все попытки контакта. Возможно, он уже не существовал... как и сама станция... Приходилось рассчитывать только на собственное умение и слаженную работу всех частей бортовой системы управления. Палмквист и Риндер подсоединились к ней, когда «Ворчун» приблизился к Кортису, и теперь составляли единое целое с кораблем.

Балкер вонзился в атмосферу и пошел на виток вокруг планеты, протыкая облака и постепенно теряя высоту. Достигнув того района, где, согласно карте, находилась взлетно-посадочная площадка, он, по команде бортинженера, сбросил скорость до минимума и на несколько мгновений замер в воздухе, уткнувшись в упругую стену собственного включенного риз-поля. Потом опустил корму и начал почти вертикально снижаться, поддерживаемый надежной подушкой того же риз-поля.

На высоте двух километров грузовоз пронзил последний слой грязно-желтых облаков, и глазам флайтеров открылась поверхность планеты. Под кораблем до самого горизонта простиралась серо-коричневая равнина с редкими каменистыми возвышенностями и причудливо источенными эрозией скальными образованиями. Обширная взлетно-посадочная площадка была на месте, едва заметные темные нити контейнерных трасс тянулись от нее метров на шестьсот к серо-коричневому, под цвет равнины, куполу наземной части добывающего комплекса. А в полутора километрах от купола виднелась врезанная в пологий бок холма станция, тоже серо-коричневая, почти сливавшаяся с холмом. Его противоположный склон скрывала сетчатая чаша антенны дальсвязи. Эти объекты образовывали неправильный треугольник: купол находился к северо-востоку от взлетно-посадочной площадки, а станция – к юго-востоку от нее. Ничего другого корпорация Тиссера здесь не построила.

Станция имела форму усеченного конуса и насчитывала два подземных и четыре наземных этажа. Почти всю ее плоскую крышу занимали солнечные батареи. Точнее, занимали раньше. Теперь же они почему-то отсутствовали.

И это была не единственная странность, и не самая значительная.

– Платформа... – пробормотал Стефан Риндер. – Где платформа? И где груз?..

Корабль приближался к взлетно-посадочной площадке, и было видно, как ветер гоняет по ней рыжеватые полосы песка. А вот погрузочно-разгрузочной платформы видно не было. Она исчезла, как и приготовленная к отправке гора тиссерита, ради которой и пришел сюда балкер с пустым трюмом. И высокая ажурная башня маяка тоже пропала. Будто прогулялся здесь какой-то великан и забрал приглянувшиеся ему сооружения.

– Я так понимаю, кто-то утащил наш груз, – сказал Стрелок, впившись ошеломленным взглядом в экран. – Все-таки это было нападение. А контролеры? Они целы... или?..

Командир и бортинженер промолчали, сосредоточившись на финальной стадии спуска. Посадка прошла штатно, но Риндер не стал переводить корабль в удобное для погрузки горизонтальное положение – ведь грузить было нечего.

Следующие десять минут, в течение которых Риндер с Палмквистом занимались послепосадочными операциями, прошли под негромкий аккомпанемент оператора боевой системы. Стрелок бросал в пространство всякие вопросы, связанные с открывшейся картиной, и пытался дать на них ответы. Больше всего его удивляло исчезновение платформ.

– Ну не с собой же они ее уволокли! Как могли ее забрать? Она же ни в какие трюмные ворота не пролезет! Покромсали, что ли? Но зачем им платформа?

Наконец Риндер и Палмквист отсоединились от бортовой системы управления, и командир изложил план действий:

– Я, понятное дело, буду сидеть здесь, а вы отправляйтесь на станцию. Надо поглядеть, что там. Вряд ли налетчики оставили бы свидетелей – но вдруг кто-то сумел спрятаться? Лаэрт, ты за старшего. Пройдись по архипелагу, прошерсти острова – может, где-нибудь налет и зафиксирован. И вообще, посмотри. Ну, ты знаешь.

– Оружие брать? – спросил Палмквист.

– Да, – кивнул Риндер. – На всякий случай.

– Понял, – сказал Палмквист, вставая с кресла. – Пошли собирать-ся, Хель.

– И аптечку прихватите, – напомнил командир.

2

Надев облегающие оранжевые биоскафандры с гибкими шлемами-капюшонами, Палмквист и Стрелок покинули балкер. Желтого четырехместного кара, который возил их на станцию во время предыдущих посещений Кортиса, на площадке не оказалось, и они пошли пешком. До вечера было еще далеко, но все вокруг выглядело тусклым – лучи Тарелки не могли пробиться сквозь плотные облака, затянувшие небо. Порывы ветра неустанно вылизывали неровный грунт, усеянный мелкими гладкими камнями и изрезанный длинными извилистыми трещинами. Но, присмотревшись, бортинженер заметил выбивавшиеся кое-где из-под камешков серые тонкие стебельки. Похоже, здесь существовала какая-то растительность, хотя это казалось невероятным.

Издалека станцию можно было принять за извечный элемент здешнего пейзажа, однако по мере приближения к ней это впечатление рассеивалось. Автоматика послушно отозвалась на команду бортинженера – массивная дверь медленно отъехала в сторону, и Палмквист со Стрелком вошли в шлюзовую камеру.

– Настраивайся на самое худшее, – негромко произнес бортинженер.

Стрелок исподлобья взглянул на него и сжал пальцами приклад висевшей на поясе короткоствольной тускло-черной «изауры».

Когда внутренние створки шлюза раздвинулись, Палмквист и Стрелок, не выходя из камеры, осмотрели все, что попало в их поле зрения. И никого не обнаружили – ни живых, ни мертвых. Бортинженер взглянул на встроенный в рукав скафандра индикатор и откинул на спину шлем: тут был обычный воздух. Стрелок последовал его примеру.

– Выходим, – скомандовал Палмквист и шагнул из шлюзовой камеры на выложенный разноцветными квадратами пол.

Первый этаж станции представлял собой обширный круглый зал, в центре которого возвышалась выраставшая из пола и уходившая в потолок зеленая колонна лифта с двумя кабинами. Ее дублировала широкая лестница. Справа и слева от шлюзовой камеры по кольцу располагались зеленые же двери отсеков, казавшиеся темными пятнами на фоне светящихся стен. Между группами из трех отсеков находились ниши, в них стояли низкие белые столики и легкие серые кресла. В этих местах, там, где обшивка станции не соприкасалась с холмом, она была прозрачной изнутри, позволяя смотреть на равнину. Смотреть, но не любоваться – здешние виды вряд ли могли вызвать восхищение. Это был рабочий этаж, напичканный разной аппаратурой.

Второй этаж занимали комнаты персонала и резервные жилые помещения. Третий проектировщики отвели под спортивные и игровые отсеки, а на четвертом был устроен бассейн. Под землей располагались склады, столовая, кухня, энергоблок и все прочее – стандартный комплект, обеспечивавший нормальную жизнь людей на чужой планете.

– Лаэрт, займись архипелагом, – раздался из биочипа, вживленного в кожу под нижней челюстью бортинженера, голос командира балкера. – Хель, проверь все помещения по кругу – и на второй этаж. И так по всем этажам.

– Понял, – сказал Палмквист почти одновременно со Стрелком. Биочипы были у всех троих, перед стартом с транспортной базы их активировали, и Риндер при желании мог видеть и слышать то же самое, что видели и слышали его подчиненные.

«Зачем нужно было назначать меня старшим?» – мимолетно подумал бортинженер, шагая направо, к двери архипелага. Стрелок, держа излучатель на изготовку, двинулся в противоположную сторону.

Зал мопсов – мультиоперационных систем – примыкал к шлюзовой камере, и сквозь его внешнюю прозрачную стену был виден темный силуэт балкера; в этом положении «Ворчун» походил на древнюю земную колонну Нельсона – во всяком случае, так представлялось Палмквисту. В разных местах зала белели мобильные пульта, а с потолка свисали светло-серые матовые плоскости мопсов. Одного взгляда на них Палмквисту хватило, чтобы понять: архипелаг вышел из штатного режима функционирования. Потому что большинство плоскостей ничего не отображало, а на остальных едва просматривалась стандартная заставка – желтоватый декагон с темным кружком в центре.

Бортинженер совершенно точно знал, что такого не бывает – архипелаг никогда не превращался в скопление безликих островов, он постоянно что-нибудь показывал. Автономные универсальные источни-

ки питания, пронизывавшие материал плоскостей, позволяли мопсам работать в любых условиях. Вывести их из строя удалось бы только при полном уничтожении. Но все в зале было целым и невредимым.

– Ничего себе! – разделил удивление Палмквиста Стефан Риндер. – Как все это могло вырубиться? Что за пожиратели энергии здесь прогулялись?

Палмквисту было неизвестно, кто и когда стал называть мопсы островами, а их группы архипелагами, но обращаться с ними он умел.

– Сейчас попробую что-то сделать, – сказал он, направляясь к ближайшему пульту.

– Да, с энергией проблемы, – подключился к разговору Стрелок. – Я в криобоксе, тут подсветка на минимуме.

– Ну, это понятно, – вновь подал голос командир. – Если учесть, что солнечные батареи пропали. Хотя в подвалах должны быть и другие аккумуляторы. Сдохли, что ли? Но архипелаг-то ни от тех, ни от других не зависит!

– Стены в зале светятся – значит, не все тут сдохло, – сделал вывод Стрелок. – И никаких повреждений не видно.

– Но мопсы не дышат, – сказал Риндер. – Как это объяснить?

– Сюда бы специалистов надо, – помолчав, заметил Стрелок. – Пусть бы и разбирались.

– Вот все осмотрим, доложим – и подождем решения боссов, – отреагировал командир. – Так что действуй, Хель, действуй. Извини, что я специалистов на борт не взял. Не знал, понимаешь, что понадобятся.

– Так всегда и бывает, – вздохнул Стрелок. – Тот, кто больше всего нужен – отсутствует.

– Не нагнетай, – посоветовал Риндер. – Просто ходи и смотри.

– Чем, собственно, и занимаюсь, – оставил за собой последнее слово Хелькиндис Оттовордемген.

Во время этого обмена фразами Палмквист успел без проблем открыть архипелаг и принялся изучать его содержимое, попеременно выводя картинку на один из все-таки оживших экранов. Так продолжалось несколько минут, и командир ничего не комментировал. Палмквист тоже молчал, недоуменно глядя на экран.

– Тут не только энергия, но и информация куда-то подевалась, натурально, – наконец заявил Риндер.

– Вероятно, так и есть, – подтвердил Палмквист. – Не скрыта, а именно подевалась. Такое впечатление, что ее не скопировали, не стерли, а изъяли.

– Хотя и не полностью, – добавил командир. – Клочки почему-то остались. Послушай, разве так бывает? Или я чего-то не знаю о мопсах? А ведь когда-то изучал всю эту сайберонику...

– Тогда и я не знаю, – задумчиво ответил бортинженер. – Я другое знаю: ни стереть в них ничего нельзя, ни выпотрошить. Невозможно с ними такое проделать... но тем не менее мы видим то, что мы видим.

– И мне это очень не нравится, – пробормотал Риндер. – Мне тут все очень не нравится. Пожалуй, Хель прав, разбираться со всем этим должны специалисты. Настоящие специалисты. – Он сделал паузу и твердым голосом закончил: – Однако провести первичный осмотр мы просто обязаны.

Палмквист вновь начал возиться с пультом, все-таки рассчитывая выудить из мопсов хоть что-нибудь еще, кроме бессвязных обрывков. Пока он этим занимался, Стрелок прочесал все помещения станции и никого нигде не обнаружил.

Потом он осмотрел примыкавший к станции пункт дальсвязи, и этот осмотр добавил новое звено к цепи пропаж. Помещение, которое должно было быть битком набитым сложной аппаратурой, пустовало. А значит, уцелевшая антенна не могла ни принимать, ни передавать никаких сообщений. Похоже, неведомые налетчики прихватили с Кор-тиса все, что сумели.

Прояснить случившееся могли обсерверы – средства внешнего наблюдения (если они зафиксировали посадку чужого корабля и действия налетчиков), однако они не оправдали надежд: бортинженер не смог отыскать в мопсах такой информации. Нет, фрагменты кое-каких записей сохранились, но они не содержали в себе ничего особенного.

– Я сделал все, что мог; кто может, пусть сделает лучше, – устало процитировал Палмквист запомнившуюся фразу из какого-то фильма.

Стрелок сидел на корточках, прислонившись спиной к стене зала, и хрустел раздобытой где-то соломкой. Еще один пакет торчал у него из нагрудного кармана.

– Красиво задвинул, – изрек Стефан Риндер. – Тут и возразить нечего, натурально.

– Вот пусть прилетают сюда и делают, – проворчал Стрелок. – Лично мне ничего толкового в голову не приходит.

– Наша задача – все тут обшарить, – напомнил Риндер. – Точнее, ваша. Мне, сами понимаете, нужно быть на корабле. Тем более в такой непонятной ситуации.

– Не оправдывайся, Стеф, – слегка усмехнулся Палмквист. – Ведь это ты командир экипажа, а не мы. Какие могут быть вопросы?

– Это я на всякий случай, – пояснил Риндер. – А то вон у Хеля взгляд какой-то недобрый.

– А девчонкам нравится, – хмуро возразил Стрелок и отправил в рот очередную соломку. – И не только взгляд. И даже не столько взгляд.

– В твоем возрасте пора бы уже не по девчонкам шастать, а жену иметь, – назидательно произнес Риндер. – И детьми обзавестись. На меня равняйся, Хель, и на Лаэрта.

– Ни к кому не прикипай сердцем, – проронил Стрелок, не меняя выражения лица. – Тогда и от потери не будет больно.

– Ишь ты... – только и смог сказать Риндер.

– Командир, а задачу-то мы уже выполнили, – перестав жевать, медленно произнес Стрелок. – Все тут обшарили и никого не нашли.

– Все обшарили... – задумчиво повторил Риндер и замолчал. Прошло секунд пятнадцать – двадцать, прежде чем он вновь заговорил: – Вот ведь что значит – заниматься незнакомым делом. Ты проверял, на месте ли оружие и скафандры контролеров?

– Нет, – несколько растерянно ответил Стрелок. – Я же людей искал, а не...

– Проверь, – прервал его Риндер. – И ты, Лаэрт, подключайся. Эх, парни, сыщики из нас никакие...

– Не на того меня учили, – буркнул Стрелок, поднимаясь на ноги.

– Вряд ли это прояснит картину, – выразил сомнение Палмквист, но вслед за Хелем направился к выходу из зала.

Вскоре обнаружилось, что все четыре «изауры» контролеров лежат на полках оружейного шкафа на первом этаже, и, судя по индикаторам, из них ни разу не стреляли. А вот скафандр был только один.

– Наверно, налетчики застали парней врасплох, – предположил Палмквист. Он и Стрелок сидели за столиком друг напротив друга в одной из ниш первого этажа, откуда был виден балкер. – Но на куски резать не стали – никаких следов нет, правильно?

– Если были бы, я бы заметил, – твердо сказал Стрелок. – Даю гарантию.

– Именно, – кивнул Палмквист. – Обошлись без трупов. Просто заставили контролеров надеть скафандры и увели с собой. Не решились на убийство. Сочли, что это будет уже слишком, за красной линией. Тот скафандр, что здесь остался – запасной, всего их было пять. Мне вот так все это видится.

– Может быть, – согласился командир. – Оставлять свидетелей – глупо, а уничтожать – чревато последствиями. Значит, как вариант: забрали с собой. Во всяком случае, на окружающей территории никого не видно – я тут устроил обзор с высшей точки. Никаких оранжевых пятен. Другой вопрос: как это у них получилось застать контролеров врасплох? Как мог Михаил с парнями проморгать посадку чужого корабля? Это же не птичка прилетела! Но предположений строить не будем.

– Вот! – Стрелок вскинул к потолку указательный палец. – Мы свое дело сделали.

– Не совсем, Хель, – возразил Риндер. – А комплекс? Надо и комплекс проверить – может, кому-нибудь из контролеров удалось там укрыться.

– И что, они до сих пор там прячутся? – спросил Стрелок. – Почему? Командир, ты же сам прекрасно знаешь...

– Знаю, – не дал ему договорить Риндер. – Но я должен отправить исчерпывающее сообщение: «Все осмотрели, персонал не обнаружен, груз исчез». Примерно так. И дело ведь не только в сообщении. Понимаешь, о чем я?

– Догадываюсь, – буркнул Стрелок.

– Ну вот. Все нужно доводить до конца, чтобы потом не было стыдно.

Стрелок поджал губы и длинно вздохнул.

– Если уж так подходить... – медленно начал Палмквист, вспомнив картинки, которые ему рисовались при подлете к Кортису. – Мы ведь считаем, что похитители пришли оттуда. – Он повел подбородком на потолок. – И ушли туда же. А вдруг это не так? Вдруг это местные обитатели, и искать их надо где-то здесь, на планете?

– И в архипелаге тоже они порылись? – спросил командир. – Большие специалисты по сайберонике?

– Всякое может быть, – неуверенно ответил бортинженер.

– Всякое, – согласился командир. – Но даже если и так, не переоценивай наши возможности, Лаэрт. Прочесать всю планету у нас не получится. Мы должны сделать только то, что в наших силах, не больше. Но и не меньше. Так что, парни, вставайте и топайте на комплекс. Идти недалеко – что вам каких-то полтора километра? Погода хорошая, натурально... Небось, тебе, Хель, к девчонкам своим и подальше не лень таскаться.

Стрелок скорчил язвительную мину:

– Ошибаешься, командир! Это не я к ним таскаюсь, а они ко мне.

– Теперь забот у наших боссов прибавится, – сказал Палмквист. – Здесь же, кроме контролеров, целую вооруженную команду надо будет держать.

– И за приличные деньги, – добавил Стрелок и одобрительно посмотрел на него. – Вот хорошо, что ты об этом заговорил! Беру на заметку.

– А зачем тебе приличные деньги? – поинтересовался Риндер. – Все равно на девчонок спустишь.

– Не переживай за меня, командир, я давно знаю, что такое хорошо, и что такое плохо! – почти весело произнес Хель и потащил из кармана пакет с соломкой.

Бортинженер вновь понял командира. Риндер долбил Хеля этими девчонками, чтобы разрядить обстановку – и это у него, кажется, получалось. Очень хотелось верить, что контролеры живы. А пропажа тиссерита и все эти странности – печально, конечно, но не самое главное. Главное, чтобы люди были целы – четверо мужчин, выполнявших свою обычную работу.

3

Посещение добывающего комплекса не дало желаемого результата: никого из контролеров обнаружить там не удалось. Правда, Палмквист и Стрелок смогли осмотреть лишь небольшую его часть – наземную, где располагались под куполом различные служебные помещения. Двери лифтов были заперты, так же, как и ворота контейнерной трассы – доступ к глубинам имели только контролеры. Однако экипажу «Ворчуна» было понятно, что вряд ли кто-то из персонала станции укрылся в этих самых глубинах.

Контроль за функционированием добывающего комплекса осуществлялся с помощью станционного архипелага, но под куполом находился и свой операционный зал. Ситуация там была такой же печальной: большинство мопсов превратилось в черные дыры.

И самое главное – судя по всему, комплекс вообще прекратил работу, и никакой добычи тиссерита теперь не велось!

– Ладно, парни, возвращайтесь на борт, – удрученно произнес командир. – Как ты там говорил, Лаэрт? Кто может, пусть сделает лучше?

– Именно так, – подтвердил бортинженер. – Мы сделать лучше не сможем.

– Значит, ждем указаний, – подытожил Стефан Риндер.

Покинув комплекс, Палмквист и Стрелок зашагали вдоль контейнерных трасс, ведущих к взлетно-посадочной площадке. Облака уже растеряли всю свою желтизну и стали просто темно-серыми и еще более непривлекательными. Ветер не уставал носиться в разные стороны, словно безуспешно гонялся за кем-то. Надвигались сумерки, но балкер по-прежнему был хорошо виден. Он возвышался над равниной подобно башне, прочно утвердившись на четырех широко расставленных посадочных опорах. Все вокруг было безжизненным, и бортинженер поймал себя на мысли о том, что вряд ли согласился бы работать в таких местах. И «Ворчун» представлялся ему чуть ли не родным домом, в котором можно укрыться от любых невзгод.

– Смотри! – прервал его мысли встревоженный возглас напарника. – Что это там такое?

Палмквист резко повернул голову направо, куда показывал рукой Стрелок. Метрах в двухстах от них, в низине между холмами, двигалась в сторону взлетно-посадочной площадки какая-то желтая полоса. Она походила на бегущий по камням ручей, но вряд ли была именно ручьем – ручьи не текут по идеальной прямой. Через несколько мгновений у Палмквиста сложилось впечатление, что полоса эта похожа на свет, пробивавшийся из-под земли. Будто кто-то бежал там, беспрепятственно пронизывая твердую оболочку планеты подобно нейтрину, и светил направленным вверх сверхмощным фонарем. Бортинженер

понимал, что никакой фонарь не в состоянии пробить своим лучом каменную толщу, но ничего другого в голову ему не приходило.

– Что это такое? – повторил Стрелок, хватаясь за оружие.

– Спроси что-нибудь попроще, – ответил Палмквист.

Они уже не шли, а стояли, не отрывая глаз от желтого феномена. Полоса, все так же не веляя, продолжала удлиниться с нарастающей скоростью. И было в этом передвижении что-то тревожное, угрожающее...

– Это еще что за напасть?! – раздался голос командира. – Прет прямо на меня, натурально! Я эту штуковину сверху хорошо вижу. Начинается где-то в километре от купола, с противоположной от станции стороны...

– Природное явление? – пробормотал Палмквист. – Что-то не очень похоже на природное явление... Стеф, может, тебе лучше покинуть борт?

– Еще чего! – Командир чуть помолчал и добавил: – Да и не успею, пожалуй. Пока до люка доковыляю...

Загадочная желтая лента добралась до взлетно-посадочной площадки – благодаря чипам Палмквист и Стрелок видели это глазами Риндера – и устремилась к балкеру. Теперь бортиженеру представился огонь, пожирающий сухие листья. Непонятная субстанция приблизилась к посадочной опоре, остановилась на несколько секунд и медленно поползла вверх по ней. А перед тем как продолжить движение, разделилась на два рукава. Вторая лента потекла к соседней опоре и, достигнув ее, тоже начала подниматься, окрашивая серую опору в сплошной желтый цвет.

«Щупальца! – пронеслось в голове у Палмквиста. – Это какое-то здежнее чудовище!»

И он, и Стрелок продолжали молча стоять на месте, ошеломленно наблюдая за этим удивительным процессом. Командир тоже не произносил ни слова.

Обе желтые полосы, повторяя контуры посадочных лап, одна за другой добрались до обшивки балкера и запульсировали, уткнувшись в нее. И тут же стало понятно, что двух этих лап нет на месте – они исчезли! Корабль медленно наклонился и начал валиться, как подрубленное дерево. А вместе с ним полетел вниз и Стефан Риндер. Рубка находилась метрах в сорока от поверхности планеты, и падение с такой высоты никак не могло закончиться благополучно для командира.

– Ничего себе... – недоуменно, но довольно спокойно произнес Риндер.

– Стеф, врубай риз-поле! – крикнул Палмквист, не сводя глаз с потерявшей вертикаль колонны Нельсона.

– Уже, – бросил командир.

Корпус все быстрее заваливавшегося на бок корабля так и не рухнул на взлетно-посадочную площадку. Сначала его движение вниз замедлилось, а в нескольких метрах от площадки и вовсе прекратилось, и балкер наклонно завис в воздухе, отделив от земли две уцелевшие посадочные лапы.

– Успел! – с облегчением выдохнул Палмквист.

– Обижаешь. – Голос командира был по-прежнему спокойным. – Возраст возрастом, а реакция никуда не делась. Да и времени было достаточно.

– Боковые лапы не выпускай, ложись на брюхо, – посоветовал Палмквист. – Видел, что с лапами стряслось?

– Тут только слепой не увидит. Что же это за дрянь такая?

– Микроорганизмы! – воскликнул Стрелок. – Пожирают все, что попадает на пути! И контролеров тоже они сожрали, и платформу, и все прочее!

Две пульсировавшие желтые полосы продолжали упираться в корпус балкера, и Палмквист вновь подумал о щупальцах. Ему представилось, что эти щупальца проникли сквозь обшивку и теперь шарят по отсекам, уничтожая все подряд.

– Микроорганизмы? – с сомнением повторил командир. – А может, какое-то оружие? Где ты видел такие микроорганизмы?

– Там же, где ты видел такое оружие, – парировал Стрелок, сжимая в руках «изауру». – Это местная агрессивная дрянь, точно. Почуяла – и полезла!

– Стеф, уходи с корабля, – посоветовал Палмквист. – А то как бы и впрямь не сожрали. Слышишь?

– Не нагнетай, – отозвался командир. – Надо подумать.

Как только он это сказал, желтые полосы отделились от обшивки и стали укорачиваться, словно неведомое чудовище решило втянуть щупальца. Вот они слились в одну полосу, и эта полоса покинула взлетно-посадочную площадку. Колебания замедлились, их амплитуда уменьшилась, и через несколько секунд они прекратились – инопланетная змея перестала непрерывно заглатывать добычу и поползла назад в свою нору.

– Уходит! – констатировал Стрелок. – Полоснуть из двух стволов, командир? И посмотрим, что получится.

– Не надо, – ответил Риндер. – Зачем нарываться? Вот если опять сюда полезет, тогда влепишь с борта из своей боевой, она позффективней «изаур». Давайте сюда, парни. Сейчас положу корабль и проинформирую боссов о ситуации.

Желтое щупальце все так же стремительно сокращалось в размерах и вскоре скрылось из глаз.

Пока Палмквист и Хель, то и дело оглядываясь, шагали к взлетно-посадочной площадке, командир, постепенно снижая напряжен-

ность риз-поля, аккуратно опустил балкер на землю. Боковые посадочные лапы Риндер выдвигать не стал, прислушавшись к совету бортинженера.

Оба флайтера уже были в коридоре, ведущем к рубке, когда опять раздался голос командира:

– Вот это новость! Дальсвязь не работает, натурально...

Стрелок остановился, повернулся к Палмквисту и, выкатив глаза, трагическим полусшепотом произнес:

– Сожрали! Эти твари сожрали! Я же говорил!

...Вскоре выяснилось, что корабельная аппаратура дальсвязи все-таки не пропала, как такая же на станции. Однако теперь она смахивала на сыр, который изрядно погрызли мыши, и, несмотря на целевшую антенну, ни на что не годилась. И это было еще не все. Оказалось, что пострадала не только аппаратура дальсвязи, но и боевая система. Плюс два из трех вспомогательных двигателей. Плюс темпоральный двигатель. По сути, балкер из космического корабля превратился то ли в пакгауз, то ли в сарай, непригодный для какого-либо перемещения в пространстве.

– Ни сообщение послать не можем, ни улететь, – сказал командир о том, что и так уже было понятно. – Просто в голове не укладывается, натурально! Сколько корпорация уже здесь копается: лет двадцать? Почему же раньше такого не было?

Флайтеры сидели в рубке – командир и бортинженер в своих креслах, а Стрелок на краешке пульта. Пульт неведомые пожиратели, кажется, не тронули.

– Двадцать лет копаемся, вот и докопались до их обиталища, – заявил Стрелок. – Может, эти твари в спячке пребывали, а теперь проснулись и полезли.

– Интересное предположение, – задумчиво произнес Палмквист и подергал свою бородку. – Согласен, Стеф?

– Интересное, – согласился Риндер. – Но именно предположение. Доказательств нет, и искать их мы не будем. А будем мы сидеть тут и ждать, пока за нами не прилетят. Мы не разведчики, а перевозчики. Если это действительно какая-то агрессивная форма жизни, то лучше держаться от нее подальше – боевая система накрылась, и неизвестно, сможем ли мы отбиться одними лишь «изаурами».

– А почему контролеры не сделали ни одного выстрела? – все с тем же задумчивым видом спросил Палмквист. – Они же не могли не заметить, что творится на взлетке и прямо у них на станции.

– Началось-то все не там, а на комплексе, под землей, – тут же нашел объяснение Стрелок. – Эти твари первым делом сожрали роботов, и комплекс встал. Все туда бросились, ну и... – Он развел руками.

– Так, – деловито произнес командир, хлопнув ладонями по подлокотникам кресла. – Сидим здесь, не высовываемся и наблюдаем.

– По-моему, лучше перебраться на станцию, – возразил бортинженер.

Риндер хмуро взглянул на него:

– Почему – лучше?

– Ну... не знаю. – Палмквист пожал плечами. – Мне так кажется. Вот смотри: эти грызуны напали на станцию, понаделали дел и убрались оттуда. И, в общем-то, большого разгрома не устроили, и для проживания станция осталась пригодной. Потом их привлек новый объект – наш «Ворчун». Покусили и его и опять убрались восвояси. Заметь, станцию уже не трогали, потеряли к ней интерес. А вот касательно «Ворчуна» неизвестно – могут и вернуться.

– Это и все твои доводы? – криво усмехнулся командир. – Что-то не вижу в них логики. А «кажется» – это не аргумент, натурально. И самое главное: мы вообще не знаем, с чем столкнулись, а ты уже приписываешь этому неизвестному явлению какие-то намерения. Нет никаких оснований считать, что сидеть здесь опасней, чем сидеть на станции. Спросишь: «Почему?» А я тебе отвечу: «Мне так кажется». И чем твое «кажется» весомей моего?

– И все-таки я предпочел бы сидеть на станции, – упрямо сказал Палмквист. – Да, логики, может, и нет, но вот такое у меня внутреннее ощущение.

Стефан Риндер хмыкнул и перевел взгляд на Стрелка:

– А ты что скажешь, Хель?

Тот сгорбился, в размышлении поскреб щеку и поерзал на пульте.

– М-м... Я тебя понимаю, командир. Не хочется тебе уходить отсюда, здесь привычнее, да? Как бы надежнее... Все знакомое...

– Поконкретней, Хель, – прервал его Риндер.

Стрелок выпрямился.

– А поконкретней вот что, если уж зашла речь о логике: ты, командир, хочешь руководствоваться логикой намерений. Но есть еще логика обстоятельств, и она сильнее логики намерений. Вот такое мое мнение.

– В переводе на нормальный язык это значит: ты за то, чтобы перейти на станцию, – угрюмо произнес Риндер. – Хотя доводов у тебя тоже нет. Я правильно тебя понял?

– Да, – кивнул Стрелок. – Я за то, чтобы перейти на станцию. Ее уже не трогают, как сказал Лазэрт.

– Сейчас не трогают, а потом так тронут, что... – Риндер стукнул кулаком по подлокотнику.

– Там же есть обсерверы, – быстро сказал Палмквист. – Задать им параметры, подключить звуковую сигнализацию, и если что – успеем разбежаться. Правда, спать придется в скафандрах, но уж как-нибудь перебежмся.

– Между прочим, на станции и кухня поразнообразней, – заметил Стрелок. – Хороший выбор, голодать не будем.

– Теперь понятно, почему ты туда рвешься, – все так же криво усмехнулся Риндер. – Любитель вкусно поесть Хель.

– Если имеется возможность – почему бы и нет? – спросил Стрелок. – И это нормально, я считаю. Устроим хороший ужин.

– А я еще раз по архипелагу пошарю, – добавил Палмквист. – По всем уголкам пройду. Может, еще что-нибудь отыщу.

– Кстати, об архипелаге, – сказал командир. – Каким это образом микроорганизмы сумели забрать информацию?

– А каким образом они оборудование сожрали? – задал встречный вопрос Хель. – Насчет микроорганизмов – это же только предположение, хотя мне оно нравится. Но, возможно, на самом деле мы столкнулись с такой штуковиной, для которой у нас и названия нет, потому что никто никогда с ней не сталкивался. Мы имеем факты, мы принимаем эти факты, но объяснить их не в состоянии – у нас другая специализация.

– Силен ты рассуждать, – проронил командир.

– Есть такое, – согласился Хель, напустив на себя скромный вид. – И это тоже нормально, я считаю. Не следует скрывать собственные достоинства.

– И у тебя это получается, – с улыбкой сказал бортинженер.

– Ладно, с вами все понятно. – Командир обвел взглядом подчиненных. – Вы оба предпочитаете сидеть на станции. Я же полагаю, что нужно оставаться на борту. Я мог бы приказать, но не тот случай. Ни у вас нет аргументов, ни у меня, каждый исходит из каких-то личных ощущений. Отправить вас на станцию, а самому остаться? – Риндер отрицательно покачал головой. – Не годится. Лучше держаться вместе. Поэтому принимаю такое решение: переходим на станцию.

– Вот и за это тоже я тебя уважаю, Стеф, – оживленно сказал Палмквист. – За твою мудрость!

– И за учет чужого мнения, – в тон ему добавил Стрелок.

Командир сосопел и угрюмо протянул:

– А вот я, если всех нас там сожрут, уважать вас буду гораздо меньше, натурально...

4

Прежде чем экипаж, прихватив оружие, оставил покалеченный балкер, Палмквист задал параметры обсерверу, ранее размещенному командиром на обшивке «Ворчуна». А перейдя вместе с Риндером и Стрелком на станцию, подключил этот обсервер к станционной системе наружного наблюдения.

Ужинали в подземной столовой, не снимая скафандров, чтобы не тратить время, если прозвучит сигнал тревоги. Из-за необходимости

ти держаться настороже поглощали еду без особого аппетита, хотя выбор блюд тут был действительно побогаче, чем на балкере. Впрочем, Стрелку эта не располагавшая к благодушию обстановка не помешала впихнуть в себя чуть ли не суточный рацион. Более того, после ужина он с разрешения командира сразу пошел спать в одну из резервных комнат на втором этаже. А Риндер с Палмквистом отправились в зал мопсов.

– Может, стоит организовать посменное дежурство? – задумчиво произнес командир. – В дополнение к обсерверам. Часа по три-четыре каждый.

Он сидел на выдвижном стуле, поставив локти на пульт и подпирая ладонями массивный подбородок, а бортинженер стоял у соседнего пульта, пошевеливая пальцами над вирт-клавиатурой и неотрывно глядя на экран.

– А какой смысл, Стеф? Если что – обсерверы стопроцентно среагируют.

– Да, знаю: смысла нет, – согласился Риндер. – Это я хочу перестраховаться. Ведь непонятно же, с чем мы дело имеем. Пожиратели... Почему они жрут как-то выборочно? Почему не подчистую?

– Выбирают лакомые кусочки, – рассеянно отозвался Палмквист, продолжая перебирать инфопакеты. – Лапки нашего кораблика им понравились... И печень... И почки... А вот тебя глотать не стали, ты невкусный...

– Я им просто не по зубам, – проворчал командир. – Да и какое из меня лакомство? Жилы да жесткое мясо, натурально. – Он помолчал и сокрушенно вздохнул. – Угораздило же на старости лет... Так все катилось хорошо – и вот тебе раз!

– Бывает... – не сразу подал голос Палмквист. – Именно так и бывает: катится, катится – и хлоп! Приехали.

– Ну нет, мы еще покатаемся, – пробормотал Риндер, уставившись в пол. – И покатаемся, и поплаваем... По Черному морю, под парусом, с дочкой... Знаешь, как там...

– Опа! – не дал ему договорить Палмквист. – Кажется, что-то упало!

– Где? – насторожился командир и всем телом повернулся к двери.

– Да нет, вот тут. – Палмквист кивнул на экран. – Выудил еще какой-то обрывок записи с обсервера, без даты. Сейчас поставлю на начало и замедлю, посмотри.

Сохранившийся фрагмент длился не более трех секунд. То ли в утренних, то ли в вечерних сумерках выскочил из низких темных облаков какой-то светящийся объект и по наклонной пошел к земле. Достиг ли он каменистой равнины где-то за куполом добывающего комплекса или нет, осталось непонятным, потому что фрагмент закончился, и плоскость мопса стала серой.

– Увесистый камешек шлепнулся, – заметил Риндер. – Хорошо, что далеко, а то мог здесь все вдребезги разнести.

– Камешек? – с сомнением протянул Палмквист и вернул фрагмент на экран. – Не маловата ли скорость для метеорита?

– Ты хочешь сказать, это какой-то транспорт? – пожевав губами, задал встречный вопрос Риндер.

– Не знаю, – пожал плечами Палмквист и увеличил изображение.

Однако объект не стал более четким. Он походил на размытую кляксу, состоящую из извилистых светящихся волокон, между которыми была пустота. Волокна непрерывно шевелились, то растягивались, то сжимались, сплетались и расплетались, менялись местами, становились толще и тоньше, но, кажется, не сгорали.

– Ну что, похоже на метеорит? – спросил Палмквист, остановив картинку.

Риндер уперся руками в колени, тяжело поднялся со стула, подошел к бортинженеру и, разглядывая изображение, ответил:

– На транспорт точно не похоже. Ни на какой. А вот на разваливающуюся в полете каменюку, по-моему, да.

– А ты видел, как разваливаются метеориты? – осведомился Палмквист.

– Я – нет, – мотнул головой командир. – А ты?

– И я не видел. Но ведь эта штука не разваливается! Там все крутится, вертится, но держится вместе!

– Держалось вместе, пока падало. А когда брякнулось, то разлетелось мелкими брызгами... если осталось чему разлетаться.

– Возможно, – немного помолчав, сказал Палмквист. И опять сделал паузу, по-прежнему глядя на экран и неуверенно перебирая пальцами бородку. – Скорее всего, так оно и есть: ничего не осталось. Скорость... Масса... Формула Эйнштейна... Где-то там должен быть кратер. – Он перевел взгляд на Риндера и добавил: – Если, конечно, эта штука действительно брякнулась.

– А что, могла врубить тормозные и мягко сесть? – с иронией поинтересовался командир. – Не транспорт это, Лаэрт, не транспорт, натурально!

– Или не наш транспорт, – медленно произнес Палмквист.

Риндер вытаращился на него:

– Не наш – это как?

– А вот так, – ответил бортинженер. – Не наш.

Некоторое время Риндер размышлял, наморщив лоб, и наконец кивнул:

– Ага, понял. Чужие. Шлепнулись, очухались и принялись грызть все без разбору. Значит, не местные, как предполагал Хель, а залетные. Хм... Занимательная идея, но есть одна загвоздка: ты много чужих знаешь? Ну, может, видел или хотя бы слышал, что живут там-то

и там-то? Фильмы и прочие выдумки в расчет, разумеется, не берем. Только реальность. Так как, много?

Палмквист молчал.

– Понятно, – удовлетворенно сказал командир. – Ни одного. И ты не знаешь, и я не знаю, и никто не знает. Не попадались чужие никому и никогда. А теперь скажи, какова вероятность того, что именно мы именно здесь и именно сейчас на них наткнемся?

– По-моему, в таких случаях вероятность не просчитывается, – заметил Палмквист. – Мы можем их встретить в любой момент в любой точке Галактики, а можем и вообще никогда не встретить.

– Ладно, дискутировать с тобой не буду. Но даже если это и в самом деле транспорт чужих, почему он на посадочную не сел?

– Промахнулся. Или у них были какие-то свои соображения.

– Ладно, – повторил командир. – Чужие это или нет, наша задача прежняя: сидеть и ждать. И не высовываться.

– А было бы интересно взглянуть, – сказал Палмквист, продолжая держать фрагмент на экране.

– А мне гораздо интересней уцелеть, – пробурчал командир. – У меня еще много жизненных планов.

– Да у меня вроде бы тоже, – изрек Палмквист.

– Вот потому и не будем высовываться. Даже если предположить, что транспорт каким-то чудом уцелел, и чужие забрали контролеров, отбить их с нашим оружием не получится. Ты сам видел, на что эти грызуны способны.

– А если они ничего плохо контролерам не сделали и просто сидят с ними, беседуют?

– Тогда и высовываться незачем.

Бортинженер еще некоторое время разглядывал фрагмент, а потом убрал его с экрана и продолжил прочесывать мопсы. А командир заложил руки за спину и принялся с сосредоточенным видом ходить от стены к стене.

– Конечно, никакой это не транспорт чужих, натурально, – вновь подал он голос. – Даже если и не метеорит, то какой-то нашенький обломок.

– То есть и грызуны тоже нашенькие? – спросил бортинженер.

– Ну, не знаю... Может, это вовсе не связанные друг с другом явления: обломок из космоса свалился, а грызуны местные. Короче, не будем забивать себе голову, не нам с этим разбираться. А вообще, если говорить о чужих... Понимаешь, чужие – это нечто такое... – Риндер, продолжая вышагивать по залу, неопределенно повел рукой. – С одной стороны, хорошо, что их нет. Кто знает, какие с ними были бы проблемы. С другой стороны, наверно, интересно было бы встретиться с разумными существами, отличающимися от нас. Может, мы такое

бы у них почерпнули... А с третьей стороны, лучше бы все-таки их не встречать. Зачем они нам?

– А с четвертой, рано или поздно такая встреча произойдет, – заявил Палмквист. – Хотим мы этого или не хотим.

– Ты это Хелю расскажи, – усмехнулся Риндер. – Он тебе быстро объяснит, что ты глубоко ошибаешься.

– Не сомневаюсь, – обозначил ответную улыбку Палмквист. – Хастерианцы – они такие. Несгибаемые.

Хастерианцами называли приверженцев Сяо Хастера – бывшего работника патрульной службы, три года тому назад поведавшего о том, что случилось с ним в полете. По его словам, рядом с катером, прямо в космическом вакууме, объявился сам Творец Вселенной. И не просто так объявился, а чтобы сделать важное сообщение. Мол, он, Творец, населяя мироздание, дал разум только одному виду существ – людям. Потому что, если бы он создал других разумных, то в конце концов все перессорились бы и уничтожили друг друга. «Берегите себя, люди, – якобы сказал Творец патрульному, – плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Вселенную, и обладайте ею». Как утверждал Хастер, Творец на прощание приложил свою ладонь к обшивке катера. И исчез.

Разумеется, рассказ Хастера не вызвал восхищения у руководства, и патрульного направили на медицинское освидетельствование. И хотя оно не выявило никаких отклонений, Хастеру предложили сменить место работы. Он не стал возражать и занялся сетевым проповедничеством. Это у него получилось: нашлось немало людей, поверивших его рассказу. И причина была не в каком-то особом красноречии новоявленного идейного наставника, а в распространяемом им видеоматериале. Вернувшись с патрулирования, Сяо сделал съемку обшивки катера в том месте, где был отчетливо виден неглубокий отпечаток, своей формой и размерами очень напоминавший человеческую пятерню. Никакими подручными средствами сам Хастер устроить такое не смог бы. Что за силы оказали воздействие на сверхпрочную оболочку патрульного катера, осталось непонятным. Само собой, предположение о прикосновении руки Творца специалисты во внимание не приняли. Этот случай пополнил список необъясненных явлений и породил очередную социальную группу – хастерианцев.

– Уж не знаю, произойдет ли такая встреча или нет, – продолжил разговор Риндер. – Но если произойдет, то, думаю, мы все-таки постараемся их понять, а не примемся сразу хвататься за оружие. Если, конечно, не почувствуем угрозу. Но это так, отвлеченные рассуждения, натурально. Вряд ли они имеют отношение к нашей ситуации. – Он остановился и повернулся к Палмквисту: – Ну что там у тебя?

– Да пока больше ничего информативного. – Бортинженер устало потер глаза. – Поспать бы сейчас...

- Ты уверен, что сигнализация не подведет?
- Уверен. И я же говорю: кто бы это ни был, станция для них – пройденный этап. Не сунутся они сюда.
- Ну-ну, – хмуро сказал командир. – Ладно, идем спать. Посмотрим, доживем ли до утра.
- Это ты хорошо сформулировал, – усмехнулся Палмквист. – Хотелось бы дожить.

Они вышли из зала мопсов, поднялись по лестнице на второй этаж и оказались в круглом холле, по периметру которого располагались двери жилых помещений. Стены здесь светились тусклее, чем на первом этаже, но и этого света хватало, чтобы разглядеть номера на дверях. Четыре комнаты полукруга слева от лестницы предназначались для персонала, а в комнатах справа устраивались на время между посадкой и взлетом экипажи балкеров. Комната номер пять традиционно отводилась командирам, шестая – бортинженерам, а седьмая – операторам. Ночевать флайтеры предпочитали именно на станции, а не на кораблях – прилет каждого грузовоза был для контролеров большим событием, и принимали они гостей с размахом. Застолье нередко затягивалось до глубокой ночи, и флайтерам гораздо проще было добрести до постели на станции, чем тащиться на борт.

– Спокойной ночи, Стеф, – сказал Палмквист и открыл дверь комнаты номер шесть. Там сразу зажегся свет.

– Хорошо бы, чтобы она оказалась спокойной. – Риндер стоял перед соседней дверью, но входить не спешил. – Приятных снов.

Оставшись один, командир развернулся и в полной тишине медленно пересек холл, разглядывая голые стены так пристально, словно там мог проявиться ответ на вопрос, что стряслось с персоналом станции. Подошел к двери с цифрой «1», нажал на ручку и шагнул в комнату Михаила Орехова.

С Ореховым ему доводилось встречаться как на Кортисе, так и на Марсе, преимущественно в столичных игровых парках, но основное общение заключалось в совместных посиделках на станции. С умеренным и не очень употреблением алкогольных напитков и разговорами обо всем. Михаил был младше Риндера, обладал веселым нравом и умел не только руководить людьми, но и ладить с ними, что очень важно в небольших изолированных коллективах. У него были жена и дети... и они пока ничего не знали о случившемся.

Риндер сделал два шага и остановился, осматривая комнату. Ее вид отличался от других жилых помещений станции разве что настенными голограммами – Орехов предпочитал красочные пейзажи с обилием растительности, причем каждое изображение включало в себя все времена года сразу. А так обстановка была стандартной: встроенные шкафы, откидной стол, стул, пара кресел-близнецов, неширокое ложе, полки, два экрана и тумба диагноста в углу. Все находилось

на своих местах, разве что с подлокотника кресла свисал небрежно сложенный тонкий серый свитер. Дверь туалета была распахнута – возможно, ее не закрыл проводивший осмотр Стрелок. Там тоже царил порядок. Внешняя стена комнаты выходила в сторону купола подземного комплекса, часть ее была прозрачной, но темной. Уже наступила ночь, и облачный покров не пропускал ни единого звездного луча.

Медленно оглядевшись, Риндер подошел к ложу и отлепил от стены у изголовья красную коробочку активатора. Повертел ее в руках, проверил, включается ли окно ввода пароля, и положил активатор в набедренный карман скафандра. Текущего пароля Риндер, разумеется, не знал, потому что не был начальником смены, но решил не оставлять в пустой комнате важный прибор, переданный Орехову руководителем предыдущей группы контролеров. Только активатор мог привести в действие систему самоуничтожения подземного комплекса.

Так, одну за другой, Риндер проверил комнаты всех контролеров и ничего особенного не обнаружил. Людей там не было, и не было никаких подсказок относительно того, куда они все подевались. Стефан Риндер никогда не замечал за собой детективных способностей, но почти не сомневался в том, что исчезновение контролеров связано с загадочными желтыми полосами.

Еще раз оглядев холл, он направился к своей комнате. Голова была тяжелой, однако Риндер знал, что вряд ли сможет уснуть...

5

Так и вышло. Уже больше часа командир балкера ворочался на ложе, то закрывая, то открывая глаза. Скафандр он снимать не стал, только отцепил от пояса «изауру» и повесил оружие рядом с собой, на спинку стула. Освещение Риндер убавил до минимума и вывел на экран картинки со всех обсерверов. Он понимал, что это лишнее, но так ему было спокойнее. Хотя о каком спокойствии могла идти речь? Напряженность не отпускала, и приходилось как-то мириться с этим. И ждать, когда за ними прилетят.

Стефан Риндер не уловил того момента, когда в комнате появился какой-то человек. Точнее, уловил, но решил, что все-таки задремал, и это ему приснилось. Потому что человек не вошел в дверь, а возник из-под пола, как моментально выросший гриб. Человек повернулся лицом к ложу, и тусклого света хватило, чтобы различить, кто это. Перед Риндером стоял начальник смены Михаил Орехов. Но его скафандр был почему-то не оранжевым, а черным. А еще у контролера отсутствовали волосы на голове – Риндер никогда не видел Орехова таким. Впрочем, во сне могло привидеться все что угодно... Он приподнялся на локтях, попытался открыть глаза – и ничего не получилось,

потому что глаза и так уже были открыты. Орехов не шевелился и молча смотрел на него. Риндер сел на ложе, опустил ноги на пол и понял, что происходящее не очень похоже на сновидение. А вернее, совсем не похоже, поскольку он отчетливо ощущал и осознал каждое свое движение. Тут лучше бы подошло определение «галлюцинация».

Но с чего бы вдруг возникла у него галлюцинация?

Молчание затягивалось. Риндер просто не решался нарушить его и в глубине души надеялся, что видение вот-вот исчезнет.

– Мне нужно поговорить с тобой, Стефан, – наконец произнес Орехов. Голос у него был ровный и какой-то бесцветный.

– Слушаю тебя. – Риндер откашлялся. – Ты откуда... и как? И где остальные?

– Я все объясню, – ответил Орехов. – Для этого я здесь и появился.

Риндер уперся расставленными руками в край ложа и чуть подался вперед, вглядываясь в бесстрастное лицо собеседника. Да, это был Михаил Орехов... но какой-то не такой.

«Или нет тут никакого Михаила Орехова», – вновь подумал он и осторожно произнес:

– Ну... объясняй.

– Йони и Антонио отправились на объект, – начал Орехов, все так же стоя посреди комнаты. – Для плановой профилактики. Пешком, как обычно. Добрались, доложили, приступили. Бауржана Орехов послал на взлетку, проверить маяк перед вашим прибытием – тоже стандартная процедура.

– Послал... Орехов? – с запинкой переспросил Риндер. – А ты кто: разве не Михаил Орехов?

Он не имел ни малейшего представления о том, что через мгновение выдумает его собственный мозг.

– Не совсем. Неполная копия Михаила Орехова. Я выращен исключительно для контакта и ограничен в своих возможностях.

– Вот оно что... – протянул Риндер, пытаясь собраться с мыслями. – Выращен... И ограничен, говоришь? Но сквозь пол как-то просочился...

– Могу называть себя Михаилом Ореховым, – произнес то ли мнимый, то ли реальный собеседник, проигнорировав последнюю фразу Риндера. – Итак, Бауржан уехал на взлетку, а я пошел в дальпункт отправлять подтверждение боссам на Марс. Там меня и накрыло.

– Что накрыло? – задал вопрос Риндер.

– Поглощение, – чуть помолчав, ответил Орехов. – Наверное, это самое точное определение. Йони с Антонио были поглощены на объекте, Бауржан – на взлетке, а я – на дальпункте. И подтверждение отправить не успел.

«Нужно ли разговаривать с галлюцинациями?» – подумал Риндер.

Он почти не сомневался в том, что причиной появления «неполной копии Михаила Орехова» стали его, Стефана Риндера, неосознанные попытки разобраться с исчезновением контролеров. Эта виртуальная «копия» была порождением его, Риндера, мозга, и сейчас она расскажет о прилетевших сюда чужих, возжелавших контакта с людьми.

– Оказавшись здесь, на Кортисе, живой собрал много информации, – продолжал собеседник. – Она позволила ему принять решение об общении с нами. Такое общение открывает новые возможности как для него и других живых, так и для нас.

– Он так себя называет: «живой»? – с невольным любопытством спросил Риндер. – Он что, тут один?

– Один, – подтвердил Орехов. – Да, именно так они себя и называют: «живые». Сейчас расскажу подробнее, но полной идентичности не получится – у живых есть много понятий, которые просто невозможно пояснить. Однако общее представление ты получишь, это моя задача.

Риндер сказал себе, что готов принять любую историю, сколь фантастической она ни выглядела бы. Даже если «копия Орехова» поведаст ему о какой-нибудь планете Ого-го-го, где дожди идут снизу вверх, это будет означать только одно: когда-то в детстве он, Риндер, читал об этом или смотрел такой мультик, только напрочь забыл. Но след на дне памяти все-таки остался.

– Давай, – сказал он. – Как называется планета живых – О-го-го?

– Нет. Ее названию соответствует слово «дом». Место обитания Живые обитают на планете Дом. Хотя никаких зданий там нет. Поглощенный этим живым Орехов, как и трое других контролеров, слился с ним, и произошел взаимный обмен информацией. Плюс информация, почерпнутая живым из мопсов. Поэтому я теперь знаю о мире, населенном живыми, а живой знает очень многое о нас.

– Контролеры слились с чужаком? – недоверчиво спросил Риндер, ощущая неприятный холодок в груди. – Так это было поглощение или слияние? Они живы?

– Это было поглощение и слияние, – сказал Орехов. – Да, они... мы живы в том смысле, что существуем и осознаем себя как личности, но форма нашего существования иная. И мы отдаем ей предпочтение перед прежней. Выслушай меня, а вопросы потом, хорошо?

Риндер молча кивнул. Холодок растекался уже по всему телу.

– Предупреждаю, Стефан: я расскажу о мире живых так, как это представляется Орехову. Так, как он сумел воспринять информацию, полученную от живого. Повторяю: это будет общее представление, упрощенное, приспособленное к человеческим понятиям, но, в целом, верное и достаточное. Начну с того, что, в отличие от людей, живые – это не техногенная цивилизация и даже не цивилизация. Правильнее будет назвать мир живых сообществом. Негуманоидным сообще-

ством. Живых можно условно считать растениями с коллективным разумом, причем разумом обладает и каждая единица сообщества.

«Ага, помню такое, – подумал Риндер. – Кажется, квазипланты или что-то в этом роде. То ли фильм, то ли книга...»

– Мыслящие цветы, – сказал он.

– Можно и так назвать, – согласился Орехов. – Но очень большие. И структура совсем другая. Основой существования и развития живых является тиссерит.

– Что-что?

– Тиссерит. Планета живых богата тиссеритом. Была богата. Теперь его нет, и замены ему тоже нет. Без тиссерита сообщество живых обречено на умирание, это процесс долгий, но необратимый. Живым не оставалось ничего другого, как отправить во все стороны коконы с зародышами-семенами. Анализаторы зародышей способны распознавать наличие тиссерита на той или другой планете. Вот почему один из таких зародышей оказался здесь, и, поскольку все живые находятся в эмоциональной взаимосвязи, они уже почувствовали, что зародыш нашел тиссерит. Точнее, это уже не законсервированный зародыш, каким он был в пути от Дома до Кортиса, а формирующийся организм – механизм развития запущен с помощью тиссерита, – причем он обладает как наследственной памятью, так и знаниями и умениями всего сообщества живых. Да, он нацелен на тиссерит, но попутно оценивает пригодность для потребления и других объектов.

– Значит, и контролеры, и аппаратура дальсвязи, и прочее тоже пришлось ему по вкусу, – пробормотал Риндер.

– Иногда это происходит бессознательно, – заметил Орехов. – Ну, как бы во сне, неуправляемо. Но это временное явление, оно исчезает в процессе дальнейшего формирования организма живого.

«Надо же, как ловко я нахожу объяснения! – восхитился собой Риндер. – Картинку создал вполне правдоподобную. И когда только успел? А главное – все словно само собой получилось, без участия сознания. Неужели в каждом такие же глубины скрываются или это только я особенный? Вряд ли, не льсти себе, Стеф...»

– Выходит, зародыш добрался до комплекса, подзакусил оборудованием и теперь жует тиссерит? – спросил он.

– Жует не жует, но, в принципе, да, – ответила «копия Орехова». – Потребности у живых невелики, и здешнего тиссерита хватит многим и надолго. А действуя сообща, можно решить и проблемы живых, и проблемы людей. Речь идет о взаимных интересах.

«Ну я даю, натурально! – вновь похвалил себя Риндер. – А попробую-ка вот так себя проверить...»

– Какой, однако, умный этот зародыш, – медленно произнес он. – Умный и умелый. Копию Орехова вырастил... Или ты просто говорящее устройство и ничего о себе не знаешь?

– Я знаю о себе столько же, сколько знает Михаил Орехов. А в новом своем состоянии он помнит всю свою жизнь, включая те эпизоды, которые ранее забыл. Кроме того, теперь он, оставаясь личностью, приобщен к личностям Йони, Антонио и Бауржана, и ощущает связь с живым, а через него – и с другими живыми. Это новая ступень существования, новое качество. Словами такое состояние передать невозможно, для понимания нужно самому в нем находиться.

– И поэтому ни он, ни другие контролеры не вернуться? Или они просто не могут вернуться?

– Они не желают возвращаться. Живому по силам создать их копии, но контролеры против этого.

– Почему?

– Им не нужны копии. По-другому объяснить не могу.

Орехов замолчал, и в наступившей тишине Риндер услышал собственное учащенное дыхание.

«Хватит! – сказал он себе. – Похоже, я начинаю верить. Как определить, галлюцинация это или нет?»

Размышлять долго не пришлось – в памяти всплыл давний фильм, персонаж которого пытался решить такую же задачу. И дело было тоже на какой-то инопланетной станции!

Риндер вынул из кармана активатор и показал Орехову.

– Знаешь, что это такое?

– Разумеется, – ответил тот. – Активатор. Ты взял его в моей комнате.

– Да, – кивнул Риндер. – С его помощью я хочу проверить, кажешься ты мне или нет. Я не знаю пароля, не знаю, в какой последовательности производить действия и какие именно. Если ты сообщишь мне пароль, и активатор включится, то это будет означать, что с головой у меня все в порядке, и ты реален. Я правильно рассуждаю?

– Ты сомневаешься в том, что все происходит на самом деле, а не у тебя в голове?

– А ты на моем месте не сомневался бы? Чужие... Слияние... Эмоциональная связь... Не напоминает фантастику?

– Наверно, ты прав, – сказал Орехов. – Хорошо, выводи клавиатуру – справа от окна. Набирай пароль, с маленькой буквы: «в фиолетовой пене пустыни». В слове «фиолетовой» вторая буква – «е»: «феолетовой». В слове «пене» первая буква – большая. Два последних слова – слитно.

Риндер ввел пароль. Окно мигнуло, текст исчез, и его сменила надпись: «Повторить пароль». Он еще раз набрал придуманную каким-то умником из верхов корпорации Тиссера нарочито безграмотную фразу, и она опять исчезла. А через несколько мгновений в окне появилось сообщение: «Соединение установлено. Для выполнения задачи нажать на красный кружок». И этот кружок тут же возник на экране.

Прежде чем Риндер успел дочитать до конца, Орехов произнес:

– Нажать на красный кружок, да? Так там написано?

Риндер кивнул. Происходящее никак не могло быть выдумкой его собственного мозга.

– Сейчас кружок исчезнет, и активатор отключится, – продолжал Орехов. – А если нажать, то серия импульсов снимет силовое поле с заряда овердина – и от комплекса ничего не останется. Ну как, убедился, что я не плод твоего воображения?

Риндер не сводил глаз с красной точки. Он пропала, и экран погас.

– Не знаю, что и сказать... – растерянно произнес он. – Если ты действительно здесь находишься, то... то почему у тебя скафандр черный?

– Это не скафандр, – пояснил Орехов. – Мой скафандр на месте, в шкафу у шлюза. Мне теперь скафандр не нужен. А эту оболочку создал живой. Вырастил. Она не такая, как человеческая плоть. Вот, смотри.

Он внезапно шагнул вперед и быстрым движением снял со спинки стула «изауру» командира. Риндер еще ничего не успел сообразить, как Орехов выстрелил себе в раскрытую левую ладонь. Судя по цвету и почти мгновенному исчезновению луча, он ухитрился перевести оружие в минимальный режим, но как ему это удалось, Риндер просто не заметил. Светящаяся линия прожгла ладонь, добралась до стены и исчезла, оставив темное углубление.

Риндер чуть не вскрикнул и непроизвольно откинулся, упираясь руками в ложе позади себя.

«Никакая это не копия, а настоящий Орехов, и он сошел с ума!» – пронеслось у него в голове.

– Вот, смотри, – повторил Орехов, опустил «изауру» и выставил перед собой простреленную ладонь.

Сквозная рана быстро затягивалась, и через несколько мгновений от нее не осталось и следа.

– Как это? – Риндер потряс головой.

И вспомнил все тот же старый фильм о станции землян на далекой странной планете.

– Восстановление, – сказал Орехов. – Живые могут создавать самовосстанавливающиеся копии. Я копия, Стефан. И это тебе не придалось. Мы с тобой действительно сейчас разговариваем.

– Похоже, что так и есть, – пробормотал Риндер и выпрямился.

Мысли скакали, кувыркались, разбегались в разные стороны и гонялись друг за дружкой. Наконец ему удалось ухватить одну из них, и он спросил:

– Выходит, живой может сделать копии аппаратуры дальсвязи, двигателя и прочего, чем он успел поживиться?

– Нет, не может, – разочаровал его Орехов. – Копирование применимо только к биологическим объектам. Живой создал меня из собственного организма.

– Понятно, – с задумчивым видом кивнул Риндер. – Значит, живой предлагает что-то типа сотрудничества?

– Именно, – подтвердил Орехов. – Тут взаимный интерес и большие перспективы.

– Большие перспективы, – все так же задумчиво повторил Риндер и с усилием потер рукой лоб. – Тогда будем ждать, когда за нами прилетят. Я-то не уполномочен решать такие вопросы, согласен?

– Разумеется, – ответил Орехов. – Мой визит продиктован стремлением живого объяснить положение дел. Копия Михаила Орехова является одним из его органов чувств, и ему доступен весь наш разговор. Цель достигнута, и в моем пребывании здесь больше нет необходимости.

– Только оружие верни, – сказал Риндер.

Орехов повесил «изауру» на спинку стула и начал погружаться в пол, словно не пол там был, а трясина. Риндер, прищурившись, наблюдал за ним.

– Значит, сотрудничество, – медленно произнес командир, когда собеседник исчез. – Взаимовыгодное сотрудничество... Естественно...

6

Желтое светящееся щупальце свесилось с потолка, вцепилось Палмквисту в плечо и принялось нещадно трясти. Бортинженер дернулся, пытаясь избавиться от этого извивавшегося отростка, и быстро сел на ложе, лихорадочно вспоминая, где оставил оружие. И наконец сообразил, что никакого щупальца нет, а рядом с ложем, согнувшись, стоит Стрелок.

– Ну ты и резкий, – сказал Стрелок.

– Что – тревога? – Палмквист повернулся к экрану. – Лезут к станции?

– Никто не лезет, – ответил Хель. – Командир куда-то подевался.

Палмквист уставился на него.

– Как это – подевался? Я спать пошел, и он спать пошел, в «пятерку».

– Нет его там, – сообщил Стрелок. – И здесь его тоже нет. И чип он почему-то отключил.

– Ф-фу-ух... – облегченно выдохнул Палмквист и встал с ложа. – Значит, выспался уже командир. И теперь в столовой сидит, жует что-нибудь.

– А чип зачем отключил? Кстати, я тебя вызывал, но спишь ты отменно.

– Кажется, что-то слышал, но проснуться не получалось. Ты-то вчера спать ушел, а мы со Стефом делами занимались и кое-что обнаружили.

– И что именно? – насторожился Стрелок.

– До нашего прибытия тут неподалеку что-то упало, – сказал Палмквист. – Нашелся обрывок записи. Не исключено, что транспорт чужаков. И может быть, все вот эти вот непонятности связаны с ними.

– Что значит – «чужаков»? – переспросил Стрелок. – Пиратов?

– Чужаков, – повторил Палмквист. – Да, Хастер утверждает, что их нет, но чужаки-то не знают о мнении Хастера.

– Конечно, не знают! – взъерошился Стрелок. – Потому что никаких чужаков на свете нет!

Палмквист успокаивающе покачал выставленными перед собой ладонями.

– Не заводись, Хель. Спорить с тобой не собираюсь. Давай лучше поищем Стефа. И начать предлагаю со столовой.

Через несколько минут бортинженер и Стрелок убедились в том, что в столовой командира нет. Тогда они принялись прочесывать всю станцию, то и дело зовя Риндера, однако он не откликнулся и не появился.

– Остаются только два варианта. – Палмквист нервно подергал бородку. – И оба мне не нравятся.

Они стояли на четвертом этаже, у пустого бассейна, на дне которого лежал одинокий красный мяч.

– Два? – удивился Стрелок. – Ну, с первым вариантом понятно: Стеф почему-то ушел со станции, не поставив нас в известность. Не хотел будить, что ли? А какой второй вариант?

– А второй вот такой: со Стефом случилось то же самое, что и с твоей боевой системой, – пояснил бортинженер. – И с двигателем.

– Но ведь сигнализация не реагировала! – воскликнул Стрелок. – Что – обсерверы проглядели?

Палмквист пожал плечами:

– Кто его знает... Но я не утверждаю, я просто обозначил варианты. Пойдем посмотрим записи. Может, он зачем-то отправился на корабль. Забыл там что-то.

Ускоренный просмотр записей с обсерверов принес свои плоды. Теперь стало ясно, что командир действительно покинул станцию. Глубокой ночью, включив плоский фонарь на шлеме, он вышел из шлюзовой камеры и уверенной походкой зашагал по равнине. Но не к взлетно-посадочной площадке с пострадавшим балкером, а в сторону подземного комплекса.

– Что ему там понадобилось? – озадаченно спросил Стрелок, вглядываясь в удаляющуюся фигуру на экране.

– Это вопрос не ко мне, – развел руками Палмквист. – Но хоть на-шелся... Может, ему пришла в голову какая-то идея?

Стрелок хмыкнул:

– Вот не представляю себе такой идеи, ради которой нужно вска-кивать среди ночи и, наплевав на опасность, переться на комплекс.

– А Стеф, видимо, представил, – медленно произнес Палмквист. – И хотелось бы, чтобы он все-таки дал о себе знать. А если не даст, придется идти за ним. Или мне, или тебе.

– Согласен, – кивнул Стрелок. – Только сначала нужно выпить утренний кофе и что-нибудь съесть.

– Что-нибудь съесть, пока время есть, – машинально срифмовал Палмквист, чувствуя легкую тревогу.

Они вернулись в столовую, и Стрелок набросился на еду с таким азартом, словно голодал от самого Марса. Палмквист его не поддер-жал и только вяло потягивал горячий кофе.

– Транспорт чужаков, говоришь? – Стрелок наконец перестал же-вать. – Прямо четко виден, да? И на борту так и написано: «Чужаки»? – Голос его был полон сарказма.

– Никаких надписей не заметил, – сдержанно произнес Палмквист. – И я не утверждаю, что это именно транспорт чужаков. Не будем об этом, Хель. Поболтаем о чужаках в другой раз.

– Да тут не о чем болтать! – встрепенулся Стрелок. – Ведь любому же нормальному человеку понятно...

Он не договорил, потому что из его биочипа донесся голос Стефа-на Риндера. Так же, как и из биочипа Палмквиста.

– Привет, парни! Слушайте и не перебивайте, я постараюсь все объяснить. Просто сидите на месте, пейте кофе и слушайте.

– Где ты, Стеф? – все-таки задал вопрос бортинженер. Обзор Рин-дер не включил, и Палмквист с Хелем не видели, откуда именно коман-дир общается с ними.

– На комплексе, – ответил командир. – Повторяю: сидите и слу-шайте. У меня было время, чтобы продумать свой рассказ, так что должно получиться четко и кратко. Начну с главного: ночью у меня состоялся контакт с чужим. Лаэрт, ты был прав: это именно чужой, он тут один, прилетел сюда со своей планеты ради тиссерита – это жиз-ненно важный для них элемент. Сейчас он этот тиссерит и поглощает в зоне добычи. Чужих можно отнести к разумным растениям, и спо-собности у них больше, чем у нас, людей. Чужие связаны друг с дру-гом – что-то типа дальсвязи, но на ином уровне. Все эти исчезновения и повреждения устроил именно он, но намерений причинить вред у него не было. Контролеров он поглотил, но не уничтожил, они сли-лись с ним и возвращаться не намерены.

Стрелок издал какой-то сдавленный звук, и Палмквист, вниматель-но слушавший командира, тут же шикнул на него.

– Понимаю, сразу поверить в это трудно, – продолжал Риндер, – особенно тебе, Хель, но я не призываю верить. Я просто излагаю то, что узнал из ночного общения с копией Орехова. Чужие умеют создавать копии, и эти копии восстанавливаются после выстрела из «изауры» – я видел это собственными глазами. И это не бред и не галлюцинации, я проверил. Так что вопросов о моем здоровье не задавайте.

– А хочется... – пробормотал Стрелок.

– Терпи! – отрезал Риндер. – Я вполне здоров. Слушайте дальше. Нагрузившись информацией из мопсов, чужой многое о нас узнал. Именно поэтому пошел на контакт и предлагает сотрудничество. Он видит в нас перспективных партнеров. – Риндер сделал короткую паузу. – Когда контакт завершился, и копия Орехова покинула станцию, я включил мозги на полную и начал рассуждать. Какая нам от этого выгода? Они чувят тиссерит, а значит, могут отыскать его на новых планетах и поделиться с нами. Во всяком случае, допустим, что будут делиться. Они умеют выращивать копии живых существ из собственного организма. В том числе и копии людей. Причем такие копии по свойствам своим превышают... э-э... оригиналы. Восстанавливаются, могут существовать там, где обычный человек сразу погибнет – Орехов пришел на станцию без скафандра. Ему и так нормально... и под водой... и в вакууме... То есть они нас в космосе без труда заменят. Зачем посылать на Кортис Лаэрта Палмквиста, которому необходима дыхательная смесь на борту, если можно послать его копию? А Лаэрт Палмквист найдет себе какую-нибудь другую работу.

– Или не найдет, – заметил бортинженер.

– Вот, – сказал Риндер. – Я тоже об этом подумал, естественно. И таких, как Лаэрт Палмквист, будут миллионы и миллионы. Мне-то что, я свое отлетал, а вот вам как быть, парни?..

– Командир, признавайся: нашел ночью что-то забористое и употребил? – не выдержал Стрелок.

– Если бы, – отозвался Риндер. – Но я трезв, как никогда. И психически здоров. Мы на самом деле столкнулись с чужими, Хель, что бы ты ни думал на этот счет. Реальность есть реальность, ее приходится признавать. Вступим в контакт – и вся жизнь изменится. У меня было достаточно времени, чтобы всю пошевелить мозгами, и я подумал еще об одной проблеме. Все контролеры живы, но им хорошо находиться в единении с чужим. Так хорошо, что они не собираются вылезать из него, я уже это говорил. А если и другие последуют их примеру, что тогда? Вы представляете, что будет?

– М-да-а... – протянул Стрелок и задумчиво отхлебнул кофе. – Все это, конечно, интересно, командир, но... – Он поставил чашку, приподнял руку и неопределенно пошевелил пальцами.

– Именно, – поддержал его Палмквист. – И мое «но» такое: как насчет галлюцинаций, Стеф?

– Свои «но» оставьте при себе, парни, – резко ответил Риндер. – Чужой тут однозначно есть, и все мы видели, что он натворил. На галлюцинации не очень-то похоже, согласны? И я ничуть не сомневаюсь в том, что видел и слышал ночью. Можете считать меня больным, можете считать фантазером – это абсолютно ничего не меняет. Тут дело в другом. Хорошенько все обдумав, я задал себе вопрос: а надо ли верить чужаку? А если он просто врет, и никакого симбиоза нет и в помине? Он поглотил контролеров, высосал все содержимое их сознания... и переварил их! И так же будет со всеми людьми, натурально!

– Фильмов посмотрелся, командир, – сказал Стрелок. – Вот и снятся тебе всякие копии.

– Фильмов, говоришь? Ты знаешь, что такое активатор?

– Конечно.

– Так вот, у меня в руке сейчас активатор, я взял его в комнате Орехова. А Орехов, который копия, сказал мне код. Я его сразу ввел, и активатор перешел в режим готовности. Если бы код сочинило мое сознание, то активатор не среагировал бы. Это не иллюзия, Хель. Думаешь, я не хотел бы, чтобы это было иллюзией?

Несколько мгновений все молчали, а потом подал голос Палмквист:

– Ты намерен взорвать комплекс. – Это прозвучало скорее как утверждение, а не как вопрос.

– По сравнению с масштабами угрозы уничтожение комплекса – это пустяк, – тут же заявил Риндер.

– Но если контролеры все-таки живы, то...

– Ничего не поделатъ, – прервал бортинженера командир. – Их убийцей мне быть, как вы понимаете, совсем не хочется, но иного выхода я не вижу, натурально. Хотя живы ли они – большой вопрос. Повторяю: иного выхода нет. Я не уверен, что все согласились бы с моим мнением... Прилетят сюда, вступят в контакт... а потом уже будет поздно. Решать нужно сразу – и я решил. Советую на всякий случай оставаться внизу, а я отойду подальше и залягу. Оттуда и взорву.

Стрелок, вновь издав неопределенный звук, отодвинул пустую чашку, сложил руки на столе и навалился на них грудью.

– Не знаю, что и сказать, – пробормотал Палмквист.

– Вот ничего и не говори, – произнес Риндер. – У тебя же нет других вариантов, и у Хеля их нет. И у меня тоже.

– У меня есть, – пробурчал Стрелок. – Медицинское освидетельствование.

– Не думаю, что я в нем нуждаюсь, Хель, – сдержанно сказал Риндер. – Да, мне с этим жить, но постараюсь справиться. Очень постараюсь. – Он помолчал. – Дальнейшее мне видится следующим образом... если, конечно, вы меня поддержите. Прилетают уполномоченные, расспрашивают нас, мы рассказываем, что здесь увидели. И о под-

земных пожирателях тоже. Но о своем общении с копией Орехова я умолчу. И активатор где-то тут закопаю. Думаю, они придут к выводу о том, что эти пожиратели добрались до овердина и взорвались вместе с комплексом. И никаких следов. – Он вновь немного помолчал. – Как вам такая линия поведения? Лаэрт, что скажешь?

– У нас есть чем сдерживать чужих, – не сразу ответил бортинженер. – Мы развитая цивилизация, а не какое-нибудь дикое племя с дубинками. Справимся если что. Поэтому я против твоего решения, Стеф. Такие решения должен принимать не ты. Хотя сомневаюсь, что мое мнение как-то на тебя повлияет.

– Правильно сомневаешься, Лаэрт: не повлияет. Превентивные меры – самые эффективные меры, и это не только мое мнение. А насчет того, что не я должен принимать решение, отвечаю так: решение должен принимать тот, кто столкнулся с угрозой. Независимо от его статуса. Но ты не сказал, будешь ли молчать.

– А надо ли молчать? Ты уничтожишь этого чужого, одного – но ведь, по твоим словам, их там целая планета.

– Что такое одна планета в масштабах Вселенной? – возразил Риндер. – Шансов вновь столкнуться с чужими практически нет. Сюда, на Кортис, они после гибели своего уже не сунутся. Найдут какие-то другие места с тиссеритом, о которых мы не знаем, а если и узнаем, то через тысячи лет. Так ты будешь молчать?

– Буду, – коротко ответил бортинженер.

– Спасибо, Лаэрт. А как ты, Хель?

– Молчать-то я буду, но тебе, командир, определенно нужно голову полечить. Вот такое мое мнение.

– Понятно, – сказал Риндер. – Тогда сидите на месте, а я отойду подальше – и решу проблему.

– Не спешил бы, Стеф, – подал голос Палмквист.

– Да нет уж, поспешу. Пока не поздно. Все, отключаюсь.

Палмквист откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и замер, покусывая нижнюю губу. Стрелок продолжал сидеть в прежней позе, только наклонил голову, чуть повернув ее, и вид у него был такой, словно он к чему прислушивался.

Так, в тишине, протекли две-три минуты, а потом Палмквист встретился и, встав со стула, включил экран. Вывел на него картинку с одного из серверов, обращенных в сторону подземного комплекса, и снова сел. Стрелок медленно разогнулся и, как и бортинженер, уставился на экран. Ветер вновь разметывал песок, Риндера нигде видно не было, купол стоял на месте.

– Может, еще передумает? – проронил Стрелок.

Палмквист промолчал.

– А может, и код ему только кажется, – не унимался Стрелок. – Да и сам активатор.

– Посмотрим, – бросил бортинженер.
– Хастер не может ошибаться, – убежденно сказал Стрелок. – Не может!

Палмквист хмыкнул:

– Ошибаешься, Хель. Ошибаться может каждый.

И тут все вокруг заходило ходуном...

* * *

Утреннее небо было затянуто облачной дымкой, и свет недавно взошедшего над морем солнца едва пробивался сквозь нее. Стефан Риндер, обхватив руками колени, сидел на еще не нагретом песке и смотрел, как от волнолома плывет к берегу женщина с собранными в пучок на макушке светлыми волосами.

Дочка.

Там, за этой дымкой, за слоями атмосферы, раскинулся безбрежный космос с его Марсами и Кортисами, но Риндеру было больше нечего делать в тех краях. Уже почти год прошел с того момента, как он погрузился в земную жизнь, и эта беззаботная жизнь его вполне устраивала. Во всяком случае, пока его не тянуло за пределы благоустроенной ухоженной Земли.

Дочка, цепляя ступнями длинные пряди вынесенных волнами на берег водорослей, подошла к нему и шлепнулась на живот. Поводила руками, разгребая песок, дернула ногой, отбрасывая буро-зеленый клочок.

– Водичка что надо – бодрит! И ты знаешь, я наконец вспомнила, что мне приснилось. Да и вчера ночью, кажется, тоже. Что-то такое большое, раскидистое, переливчатое... Волшебное дерево! Манит меня ветвями и шепчет: «Иди ко мне... Иди ко мне...» И таким теплом от него веет, словно мама по голове гладит... Так к нему и тянет, но я, глупая, все не решаюсь сделать первый шаг..

Стефан Риндер окаменел. Облачная дымка постепенно рассеивалась, и в вышине проступали кусочки бледно-голубого неба – тонкой прослойки, за которой таилась черная бездна.

Підп. до друку __.__.2023. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 6,2.
Замовлення № 97.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. В. Панченка, 29
тел./факс (0522) 32-17-05,
моб. тел.: (050) 321-90-79,
e-mail: tsamylyak@gmail.com